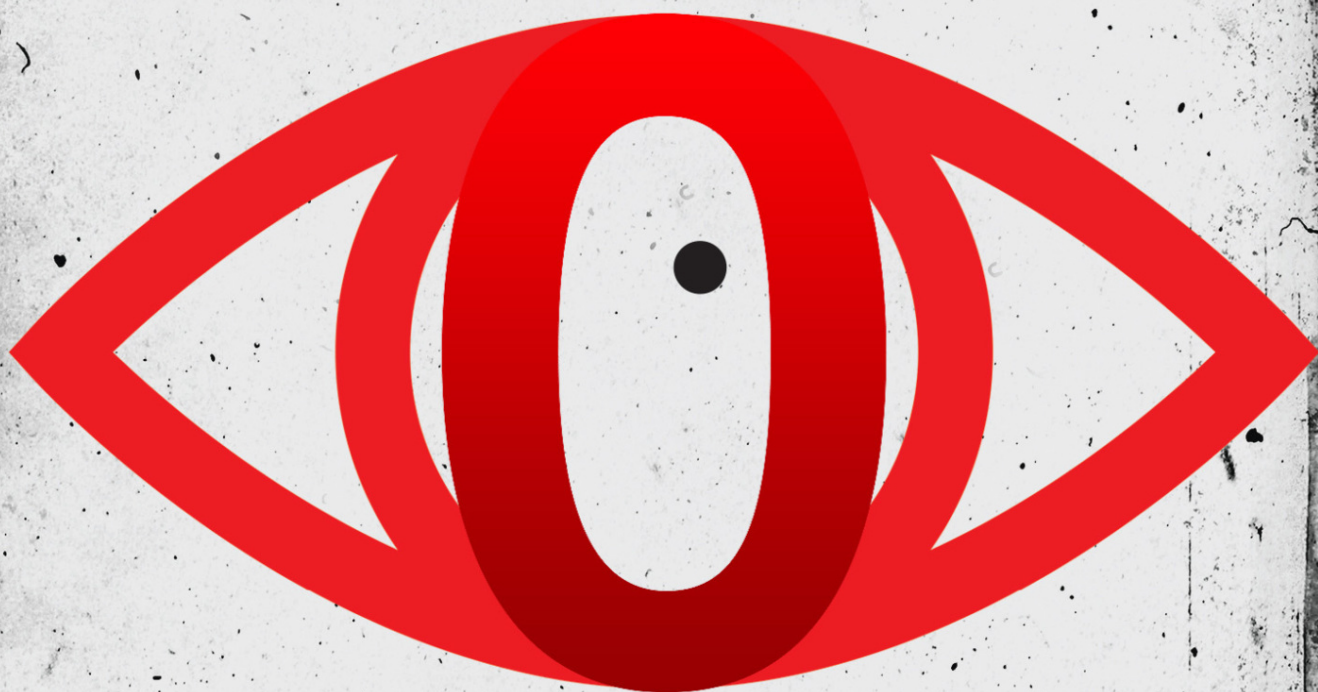

ЭНТОНИ МАККАРТЕН

ZERO

ОБНУЛЕНИЕ

Все еще верите, что ваша частная
жизнь – это ваше личное дело?
В эпоху искусственного интеллекта
конфиденциальность – полная фикция.

Не скраться никому...

Альфа-триллер

Энтони МакКартен

Zero. Обнуление

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.4(931)

ББК 84(8Н03)-31

МакКартен Э.

Zero. Обнуление / Э. МакКартен — «Эксмо», 2023 — (Альфа-триллер)

ISBN 978-5-04-191248-2

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА SUNDAY TIMES № 1, СЦЕНАРИСТА ФИЛЬМА «БОГЕМСКАЯ РАПСОДИЯ», ЧЕТЫРЕЖДЫ НОМИНАНТА НА «ОСКАРА», ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ВАФТА. Головокружительный роман об уже наступившем будущем в духе фантастических триллеров Джона Маррса о вселенной «THE ONE. Единственный». Все еще верите, что ваша частная жизнь — это ваше личное дело? В эпоху Искусственного интеллекта конфиденциальность — полная фикция. Не скрыться никому... Всего два часа на полное исчезновение... 10 человек были тщательно отобраны для бета-теста беспрецедентно эффективной системы цифровой слежки, созданной IT-гением Саем Бакстером. Эта система на основе искусственного интеллекта способна выследить кого угодно и где угодно на Земле. Отобранные стали Нулями — исчезли, чтобы в течение 30 дней не попасться изощренным алгоритмам Бакстера. Кто не попадется, получит 3 миллиона долларов. Однако не стоит на это рассчитывать — ни у кого из Нулей нет ни единого шанса. Так думает Бакстер. Но так не думает Кейтлин Дэй, Нуль-10. Для нее ставка в начавшейся игре — вовсе не деньги, а нечто гораздо более важное. Эту чудаковатую библиотекаршу, до сих пор живущую в уютном аналоговом мире, собирались показательно изловить в два счета. Но внезапно она начинает делать такие хитроумные ходы, что ставит в тупик и цифровое всевидящее око, и обслуживающую его огромную команду экспертов... «Первый за многие годы роман, не только заставляющий сердце биться чаще, но и бросающий вызов мозгу. Триллер, который отлично заглатывается под попкорн и при этом не просто развлекает тебя, а делает умнее. Провокационный, глубокий и — иначе не скажешь — гениальный». — А. Дж Финн «Маккартен убил наповал современную Америку. Я больше никогда не буду воспринимать свой смартфон как прежде». — Грэм Мур «Чистое удовольствие — читать эту историю с ее чертовски хорошо

продуманным антуражем, скромной героиней, закрученным сюжетом и лихой концовкой. Но дело не только в чистом удовольствии, а и в правде, которую роман рассказывает о нашем суровом времени». — Дуглас Престон

УДК 821.111-312.4(931)

ББК 84(8Н03)-31

ISBN 978-5-04-191248-2

© МакКартен Э., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Фаза первая	7
7 дней до «обнуления»	7
7 дней спустя: за 20 минут до «обнуления»	9
За 18 минут до «обнуления»	13
За 2 минуты до «обнуления»	15
«Нуль»	17
Осталось 29 дней 22 часа 21 минута	18
29 дней 21 час 59 минут	21
29 дней 21 час 14 минут	23
29 дней 20 часов 47 минут	27
29 дней 20 часов	29
28 дней 5 часов	34
28 дней 1 час	36
27 дней 17 часов	38
27 дней 13 часов	39
27 дней 11 часов	40
27 дней 5 часов	44
26 дней 18 часов	46
26 дней 16 часов	49
24 дня 17 часов	51
24 дня 16 часов	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Энтони Маккартен

Zero. Обнуление

Дженнифер Джозел, великому редактору. И, как всегда, Еве

Anthony McCarten
GOING ZERO

Copyright © 2023 by Anthony McCarten.
All rights reserved.

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Фаза первая

7 дней до «обнуления»

Бостон, штат Массачусетс

Вестибюльное зеркало в полный рост, призванное создать в тесном фойе ощущение света и воздуха, от старости покрыто бурыми пятнами, с амальгамы будто короста облезает. И все же оно вполне годится для здешних арендаторов – учителей, мелких госслужащих, владельца пекарни и полудесятка пенсионеров, довольных и тем, что лифт работает почти всегда. Они могут задержаться здесь перед выходом, чтобы окинуть себя взглядом и убедиться напоследок, что подол не зацепился за чулки, ширинка застегнута, на подбородке нет следов зубной пасты, волосы не стоят дыбом, к подошве не прилипла туалетная бумага, – прежде чем ступить на улицу, выставив себя на суд сограждан.

Да и в конце дня оно тоже кстати. Вытряхивая из складок одежды холод продутых всеми ветрами улиц, распахивая пальто и доставая почту из ящиков, жилыцы могут бросить первый взгляд на ущерб, понесенный за день.

Только что вошедшая женщина машинально смотрит в зеркало. Вот что оно показывает: за тридцать, черные волосы (боб¹), большие очки, в прошлом году снова вошедшие в моду, длинные свободные брюки и кроссовки, а под хорошим демисезонным пальто (прошлогодняя модель) – хорошенько отглаженная черная блузка с причудливо закрученным цветочным узором. По виду суцая библиотекаряша или воплощение чьего-то представления о таковой – в общем-то, так оно и есть. Застегнутая на все пуговицы в прямом и в переносном смысле, но проявляющая независимость мышления в деталях – громадное ожерелье с кулоном, большие позванивающие серьги, на мизинце перстень с печаткой. Вполне может направляться хоть на церковную благотворительную распродажу, хоть на митинг против Трампа, сразу не скажешь.

Отпирает свой почтовый ящик, извлекает стопку конвертов, закрывает дверцу до щелчка замка, заметив при этом, что табличка на ящике чуть перекосилась, и выравнивает ее.

*К. Дэй
Квартира 10*

«К» здесь не просто так. Неполное имя «Кейтлин». Одинокий инициал для идентификации, такая странность номер 273 из «Перечня странностей одинокой женщины». Следует сразу за привычкой подходить к двери с ключами, взятыми как готовый к бою стилет. Писать на почтовом ящике или в телефонном справочнике «Кейтлин Дэй» – значит самой напрашиваться на неприятности; каждый отморозок, проходя мимо, разом смекнет, что в доме одинокая женщина, и начнет отираться поблизости, вдруг что наклонится. Может, ее нужно спасти, поиздеваться над ней, преследовать, трахнуть, порешить...

Она сортирует почту над мусорным контейнером. Макулатура. Макулатура. Макулатура. Счет. Макулатура. Счет. И тут... Боже мой! Оно здесь. Действительно здесь.

На конверте напечатано «Министерство национальной безопасности». Даже гребаная печать на обороте; она-то думала, подобные штучки ушли в небытие вместе с Тюдорами.

¹ Боб – короткая стрижка со спадающими прядями у лица и затылком, выстриженным с постепенным уменьшением объема прядей книзу.

Однако внутри сраная казенная бумажонка, совсем не такая, на какой печатают приглашения на свадьбу. Впрочем, все же приглашение, как ни крути.

По верху единственного листика идет надпись «Бета-тест «Обнуление»». Жирным шрифтом, да еще подчеркнуто.

Уважаемая мисс Дэй!

Примите поздравления! Вы избраны в качестве одного из десяти участников бета-теста «Обнуление» от программы «Слияние», партнерского проекта «Уорлдшер» с правительством США.

Согласно расписанию, бета-тест «Обнуление» начнется в полдень (12:00) 1 мая. В это время вы и девять других участников, отобранных случайным образом, получите сообщение по номеру, указанному в вашей заявке на участие, гласящее: «Обнулиться!»

В тот же день в 14:00 ваше имя, фото и адрес будут предоставлены объединенной оперативной группе программы «Слияние» в Центре «Слияние» в Вашингтоне, округ Колумбия.

Пока проходит этот тест, вы вольны предпринимать любые шаги, которые сочтете необходимыми, в рамках законов Соединенных Штатов, чтобы избежать задержания группой захвата, посланной Центром «Слияние» на ваши поиски. Все участники бета-теста «Обнуление», которые будут оставаться на свободе в полдень (12:00) 31 мая, получают вознаграждение в размере трех миллионов долларов США (\$3 000 000), не облагаемое налогом.

Мы благодарим вас за ваш патриотизм и за то, что вы играете важную роль в том, чтобы сделать свою страну более безопасной.

Специальное примечание. Под страхом дисквалификации вам не разрешается заявлять, разглашать или утверждать, что вы являетесь участником бета-теста «Обнуление», пока вам не будет дана на то письменная санкция институции, отправившей это сообщение. По поводу подробностей, касающихся вашего соглашения о неразглашении конфиденциальной информации (СНКИ), юридической ответственности и возможных взысканий, см. сопроводительные документы к заявке на участие.

Кейтлин поднимает глаза и снова видит в зеркале собственное отражение. Самая обычная женщина, таких как грибов после дождя. Но в дальнейшие пять недель ей придется быть исключительной.

«Готова ли ты стать совершенством, Кейтлин Дэй?» – спрашивает она себя. Потому что сейчас это самое малое, что от нее потребуется.

Отражение ни гугу.

«Ступай наверх, – говорит она себе. – И все проверь». Когда придет приказ «Обнулиться!», она должна быть готова исчезнуть в мгновение всевидящего ока. Стать нулем без палочки. Стереть себя. *Исчезнуть*.

Кто так делает? В смысле, исчезает? Такое бывает. Черт, уж *она-то* знает это лучше большинства. Вот человек есть, а потом просто – *бац!* – и нету.

Надо отдохнуть. Быть может, это одна из последних ночей, когда удастся спокойно поспать в собственной постели. А потом такое счастье выпадет нескоро. Отражение в зеркале на несколько секунд застывает, пока она раздумывает, что ждет впереди. А потом стремительно приходит в движение.

7 дней спустя: за 20 минут до «обнуления»

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

1 мая, за двадцать минут до полудня, всклокоченного, так и не позавтракавшего Джастина Амари встречает приветственный комитет перед Центром «Слияние» – частным комплексом, за год до того выросшим неподалеку от площади Макферсон на диво быстро и таинственно: «Миллиардер из Кремниевой долины Сай Бакстер скупает квартал в центре округа Колумбия, проводя в городе все больше времени по неизвестным причинам».

Среди встречающих Джастин замечает Эрику Куган, правую руку Сая Бакстера, почти такую же знаменитую, как он сам, вкупе с Бакстером основавшую «Уорлдшер» – материнскую компанию «Слияния». Она тоже лидер, хоть и на свой особый манер.

– Нервничаете? – подходя, спрашивает Джастин.

Вопрос вызывает у Эрики удивленную улыбку.

– Я верю в Сая и в то, что мы тут делаем, – отвечает она. Голос у нее низкий, с едва уловимыми следами техасского акцента. – Но сегодня я и правда нервничаю. Дело-то немалое. Грандиозное.

Вместе с прочими первыми лицами они шагают через вестибюль из стекла и стали, потом через пару контрольно-пропускных пунктов повышенной безопасности, прежде чем войти в сверхбезопасную зону, зону без-цифровой-пыли-на-подошвах, ни-телефонов-ни-ноутбуков-ни-фитнес-браслетов-ни-диктофонов-в-колпачках-авторучек, чей похожий на атриум центр и активный узел на первом этаже под системой мостиков и порталов, заполненный до отказа спецгруппами, окрестили Пустошью.

Масштаб сооружения поражает его по сей день. Из серии аж-мороз-по-коже. Громадный, заполненный экранами зал, в котором за рядами столов сидят сверхумные инженеры, специалисты по обработке данных, разведчики, программисты, хакеры и мириады аналитиков из частного и государственного секторов – пехота программы «Слияние». А Сай Бакстер, трепещущий от нервной энергии и гордости, озирает свое могучее творение с помоста на втором этаже, достойного капитана Кирка².

«А ведь это я должен нервничать, – думает Джастин. – Хотя бы потому, что шею сегодня подставляю как раз я».

Все экраны – мониторов, планшетов, мобильных, даже громадные на задней стене – черны, спят, ожидают... ожидают... ожидают пробуждения.

Джастин смотрит на часы. Осталось пятнадцать минут пятьдесят девять секунд... пятьдесят восемь... пятьдесят семь...

Когда ему показывают, что можно пройти, он направляется к платформе, на которой ожидает Сай, облачившись по такому случаю в официальный костюм и избавив сегодняшнюю толпу от своего обычного подросткового облика из упорно не уходящих в тираж кроссовок, мешковатых джинсов и майки с какой-нибудь вдохновляющей надписью типа «С хера ли вдруг нет?».

Тут же ждет начальник Джастина доктор Берт Уокер, замдиректора ЦРУ по науке и технике; они с Саем наверху выглядят так, будто только что создали Единую теорию всего. С ними же, уже не такая довольная, явно не очень убежденная, что все это столь уж замечательная идея, предшественница Уокера (ныне гендиректор какого-то стартапа по анализу угроз), доктор Сандра Клифф.

² Капитан Джеймс Тиберий Кирк – один из главных героев фантастической франшизы «Звездный путь».

Вид у Уокера такой, будто он высматривает, где тут ленточка, которую надо перерезать. Не та эпоха, Берт. Тут никаких ленточек. Запуск этого важнейшего бета-теста будет чем-то совсем непримечательным, вроде щелчка единственной мышки, который, в свою очередь, устремит десятерых избранных кандидатов этого испытания к нулю – заставит исчезнуть. Они должны быстро уйти с радаров, не оставив ни малейшего следа. Но это будет нелегко: Сай Бакстер и его команда киберрицеек снабжены, как никто другой в истории человечества, всем необходимым, чтобы быстро их отыскать.

У каждого из десяти участников – или Нулей, как их именует спецгруппа – есть два часа, и только два часа, чтобы получить фору: привести в действие собственную стратегию, какой бы она ни была, и тогда «Слияние» пустится в погоню направо.

– Парочка слов напоследок, – говорит Сай с преувеличенной торжественностью; в сорок пять он по-прежнему похож на мальчишку, весь подавшийся вперед, перенеся вес на носки, словно того и гляди сорвется на бег, – прежде чем начнем. Во-первых, спасибо нашим друзьям из ЦРУ за это воистину историческое государственно-частное партнерство. – Его взгляд, проскочив Джастина, обращается к докторам Уокеру и Клифф, и он многозначительно кивает каждому. – Разумеется, я также благодарен всем инвесторам, выразившим нам доверие, некоторые из которых сегодня находятся здесь. – Кивок в сторону пиджаков в первом ряду зрителей. – Но в первую очередь спасибо всем вам, команда «Слияния», за ваш неутомимый тяжелый труд и гениальность.

Персонал «Слияния» аплодирует. Только здесь, в штаб-квартире, одних экспертов в своих областях, вооруженных грандиозной техникой и широкими легальными полномочиями, насчитывается около тысячи, но их преумножают еще тысячи сотрудников на местах, команды захвата, рассеянные по всей карте и готовые ринуться вперед. Сай Бакстер втемяшил каждому из них, что все должны стать свидетелями *стремительности* их успеха, равно как и того, *какими средствами* он будет достигнут.

– Нас ждет серьезная работа. Ближайшие тридцать дней определяют участь десятилетнего обязательства со стороны ЦРУ финансировать этот союз, обеспечив слияние опыта государственных разведслужб со смекалкой свободного рынка. – Он делает паузу, словно тщательно взвешивая, что сказать дальше. – Все, что вы видите... все это, – он взмахом руки охватывает атриум и три подвальных этажа под ним, забитые гудящими серверами, уютно устроившимися в кондиционируемых стойках, и девятьсот тридцатью двумя сотрудниками тщательно отобранного штата (каждый скрупулезно проверен ЦРУ), размещенных в оперативных комнатах, залах виртуальной реальности, зонах техобслуживания беспилотных летательных аппаратов, экспериментальных установках, ресторанном дворике и кабинетах, – в случае провала окажется ни к чему. Лично для меня этот проект – важнейшая работа из всех, в которых я когда-либо принимал участие. И точка.

Аплодисменты.

– Когда я впервые взялся прикинуть, под силу ли мне представить государственно-частное партнерство, способное поднять безопасность и средства наблюдения нашей страны на совершенно новый, несравненный уровень, я поглядел на присутствующего здесь заместителя директора... и доктора Клифф, которая, возможно, помнит мою реакцию... По-моему, реакция была... Помните? «Да вы гоните!»

Смех, как по команде.

– Но, сдастся мне, сдастся мне, Орвилл Райт сказал брату³ что-то подобное, правда? Или Оппенгеймер⁴, когда ему приказали сделать бомбу, или Исаак Ньютон, когда его попросили определить, где у мира верх...

³ Братья Уилбур и Орвилл Райт (1867–1912 и 1871–1948 соотв.) – американские пионеры авиации, совершившие первый управляемый полет на самолете с двигателем и изобретшие современную систему аэродинамического управления.

Снова смех.

Сай расплывается в удивительно обаятельной улыбке:

– Но ведь сам не знаешь, на что способен, пока это не получится. Так ведь? Перед «разумеется» всегда идет «ни за что». Однако, несмотря на нашу уверенность и немалые усилия, приложенные всеми присутствующими, мы по-прежнему не питаем стопроцентной уверенности в том, что способны на это. Отсюда и этот бета-тест. Так что давайте приступим. Зажигайте фитиль, и поглядим, что у нас здесь.

Продолжительные аплодисменты. Сай любит этих людей, и они любят его в ответ по целой уйме причин.

Джастин не сводит глаз с Сая, про себя гадая: «Насколько богат этот чувак?» Никто толком не знает. Биография его туманна. Подробностей раз-два и обчелся. Где именно он родился? Путаница даже по этому поводу. Сай говорит, что в Чикаго, но ни разу не предъявил свидетельства о рождении, чтобы положить конец слухам, что его мать-словачка привезла единственного ребенка в Соединенные Штаты в возрасте семи лет. Недавно, когда представители производителя пазлов «Равенсбургер» обратились к Саю, воплотив его в пазле из тысячи фрагментов – руки в боки перед ракетой Безоса, готовой забросить спутники слежения «Уорлдшер» на орбиту, – народ наконец получил шанс с помощью проворных пальцев и зорких глаз осуществить то, что до сих пор было сугубо умозрительной задачей, – собрать четкий портрет этого человека.

Джастин изучал его издали, собирая факты мало-помалу. Журнальные очерки, неизменно лестные, показывают человека с замедленным развитием, очень поздно научившимся, где какую вилку употреблять, как правильно произносить слова вроде «грейпфрут» (Сай: «грейфрукт»). Зато коэффициент интеллекта сильно выше среднего, 168. Одинокий ребенок, над которым часто издевались другие дети, почти красивый, хотя маленькие глаза сидят чуть асимметрично, а предплечья и голени покрыты пятнами экземы. Занялся компьютерами еще на ранних этапах, оседлал электронную волну. Выстроил из гаражного стартапа бизнес стоимостью двенадцать миллиардов долларов уже к двадцати шести годам, и пошло-поехало. Поначалу его коньком была революционная техника и социальные сети. Вырастил «Уорлдшер» из небольшого сервиса информационного обмена между знакомыми – «Мож, зависнем вместе?» – «Ага, чё ж нет?» – в *глобальную экосистему*, а оттуда палил огнем во всех направлениях, ухая прибыли на самые рискованные предприятия, словно делая ставки на собачьих бегах.

Уолл-стрит влюбился в этого вундеркинда-провидца с первого же взгляда, закачивая деньги в его затеи – кибербезопасность, домашние камеры безопасности, сигнализации и средства тотального наблюдения, даже спутники связи. Спустя десяток лет богатый, как Мидас, но вовсе этим не задаваясь (ни разу не фотографировался на Неделе моды в Париже, никаких голливудских дружков, ни яхты, ни личного самолета), он тихо, без ненужной огласки, так же поставил по-крупному на зеленое, благотворное земное и даже межпланетное будущее. Теперь он финансирует исследования в области солнечной энергии, продление срока службы батарей и прозрачную криптовалюту для Федерального резерва, заодно ковыряясь в теме модульных ядерных реакторов, чтобы наконец положить конец эпохе нефти. Но что заставляет некоторых полюбить Сая, делает его таким привлекательным, помимо его гениальности и вопреки его богатству, – так это то, что он, похоже, на самом деле стремится и себя, и свое достояние посвятить помощи планете, хотя мог бы... ну, просто серфить. Или слетать в космос.

И вовсе не трудоголик, он выкраивает время и для личной жизни – играет на бас-гитаре в инди-квартире и дважды в неделю усердно потеет на местном общественном теннисном корте

⁴ Джулиус Роберт Оппенгеймер (1904–1967) – выдающийся американский физик, научный руководитель Манхэттэнского проекта по разработке ядерного оружия.

в Пало-Альто⁵. Ни разу не состоял ни в какой романтической связи ни с одной женщиной, кроме Эрики Куган. Журналисту «Менс Хелс» он сказал, что восстанавливает столь необходимое равновесие медитацией. Способен высидеть в позе лотоса не один час, а планку держать куда больше пятнадцати минут. (Когда СМИ усомнились в этом, он парировал, проделав это в стриме на двадцать три минуты.) И в конце концов стал культовым героем: тут тебе и голова, и сердце, да еще здоровье в квадрате.

Поди-ка проверни, думает Джастин, чтобы в наш скупой на восторги век миллиардер мог приобрести и достичь столь много, но притом породить так мало неприятия. Что лишний раз доказывает, вынужден он заключить, насколько неизменно сподручно держать свои истинные делишки далеко-далеко-далеко от радаров.

⁵ Пало-Альто – калифорнийский город, один из важнейших центров Кремниевой долины.

За 18 минут до «обнуления»

Мальборо-стрит, 89, квартира Кейтлин Дэй, Бостон, штат Массачусетс

Часы будто застыли. Время ползет, стопорится, и когда она уже проникается уверенностью, что что-то не в порядке, что в его ткани есть прореха, – секундная стрелка снова двигается. Кейтлин свернулась калачиком в дальнем углу дивана с одеялом на коленях и книгой в руке, которую даже не помнит, как взяла с кофейного столика с грудой глянцевого журналов, расплзающихся друг по другу, как пластины грунта при землетрясении – «Атлантик», «Нью-Йоркское книжное обозрение», «Нью-Йоркер».

Но она не читает, она рассуждает. Это скверная идея, это блестящая идея, это безумие. Это ее лучший шанс, это ее последний шанс. Накатывает волнами, рушится и отступает.

Забудь. Вспомни. Мысли рвутся, роятся и копошатся слишком быстро, чтобы уцепиться хоть за одну.

*Рюкзак
Спальный мешок
Походные ботинки
6 футболок
1 запасная пара джинсов
«Анна Каренина»*

«Дыши, женщина, – твердит она себе. – Дыши медленно. Помни, кто ты». «Я Кейтлин Дэй, – шепчет она, будто мантру. – Тридцать пять лет, родилась двадцать первого сентября, номер социального страхования ноль-двадцать девять-двенадцать-двадцать три-двадцать пять». Эти знакомые факты как целительный бальзам, панацея, молитвенный барабан, страховочный трос, и наконец она чувствует, как воздух наполняет легкие, насыщая кровь кислородом.

*Дорожные карты
Палатка
Газовая плитка
Котелок
Маска
Телефон К.
Телефон Д.
Компас
Консервы
Нож
Сухофрукты и орехи
Консервный нож
Тампоны
Мыло
Зубная паста
Фонарик
Батарейки
Фляга*

Кейтлин Элизабет Дэй. Родилась и выросла в Бостоне. Родители умерли. Два брата, связь потеряла с обоими. Они любят спорт, она любит книги. Они нашли работу в строительстве, она стала библиотекарем. Они орут в экран телевизора, она пишет сенаторам. У них нет воображения, у Кейтлин его сверх всякой меры. Сказать по правде, у Кейтлин его сильно больше, чем сверх меры. Порой настолько много, что мозги идут вразнос, и приходится их притормаживать с помощью маленьких белых таблеточек.

У нее есть план. И он должен сработать. Он *должен* сработать. Это будет забавно, внушает она себе. А заодно будет жутко.

За 2 минуты до «обнуления»

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

– Позвольте в заключение высказать одну мысль. Одну последнюю мысль. – Сай Бакстер выдерживает паузу, чтобы окинуть слушателей взглядом.

«Насколько он в этом хорош, – думает Джастин, – насколько владеет собой». Немного неуклюж, но неуклюж обаятельно; отголоски одинокого детства еще очевидны: слишком много времени отдал программированию, пропуская отдаленные крики с детской площадки мимо ушей, а несколько лет спустя – уже с сотней штук в банке, но без пары на выпускном балу.

– Сегодня речь идет не просто об испытании концепции на жизнеспособность или даже возможности показать ее нашим партнерам, – Сай поворачивается, чтобы кивнуть двум многоуважаемым докторам наук из ЦРУ, занимающим возвышение вместе с ним, – не о том, на что мы способны, если объединим наши возможности и поработаем вместе... Хотя речь и об этом, и мы все покажем. Сегодня самое время воздать честь годам партнерства по интеграции ресурсов органов правопорядка, военных и индустрии безопасности – АНБ⁶, ЦРУ, ФБР, МВБ⁷, – когда они впервые объединились с сообществами хакеров и социальных сетей под организаторским началом блестящих умов команды «Уорлдшер», представленной здесь.

Жиденькие аплодисменты со стороны промышленных магнатов.

– Вот они, душа и тело материнской компании «Слияния»! И все это вместе образует ультрапередовую всеохватную матрицу обмена данными, не знающую себе равных. Настолько все круто. – Он снова бросает взгляд на своих заказчиков из ЦРУ с дружеской улыбкой коллеги, показывающей, что до сих пор все шло гладко. – Итак, в заключение. Наша почти нелепая цель весьма проста: сделать жизнь негодяев куда труднее, а жизнь хороших людей куда легче с помощью самых лучших технологий. Разумеется, мы заботимся о конфиденциальности. Половина того, что мы здесь, в «Уорлдшер», делаем, состоит в защите конфиденциальности пользователей. Но если вы не сделали ничего дурного, что распространяется на девяносто девять процентов из нас, вы можете быть более готовы пожертвовать частичкой этого священного права в обмен на усиленную безопасность, мир, закон и порядок. Позвольте поведать вам, кого конфиденциальность волнует больше всех – злоумышленников. Она нужна им, чтобы скрываться. Одиннадцатое сентября вынудило нас пересмотреть деликатный баланс между личной и общественной безопасностью. Тогда мы располагали всеми данными, нужными для предотвращения катастрофы, но нам не хватало воли и средств, чтобы собрать все воедино. Сегодня, в этом здании, мы демонстрируем обилие воли и средств, как никогда прежде. – И, словно в гонке за голоса избирателей, заканчивает несколько неожиданно: – Да благословит Господь Америку и ее солдат! А теперь... погнались!

С этими словами он указывает на цифровое изображение больших аналоговых часов, проецируемое на стену у него за спиной, где истекают последние секунды до полудня, и секундная стрелка подбирается, чтобы соединиться, будто в хлопке, с минутной и часовой.

Едва пробивает полдень, Сай произносит бодрое «Обнулиться!», одновременно с этим где-то в недрах здания кликает одна-единственная мышка, и на десять сотовых по всей Аме-

⁶ Агентство национальной безопасности, разведывательное подразделение Министерства обороны, специализирующееся на радиоэлектронной (в т. ч. кибер-) разведке.

⁷ Министерство внутренней безопасности, аналог министерств внутренних дел других стран (Министерство внутренних дел США имеет совершенно иную юрисдикцию).

рике уходит сообщение – одно-единственное слово. Теперь у прячущихся есть два часа, прежде чем преследователи ринутся их искать.

«Нуль»

Мальборо-стрит, 89, квартира Кейтлин Дэй, Бостон, штат Массачусетс

Дррррр... Дррррр... Дррррр... Дррррр...

Нашаривая телефон, она сбивает его на пол, и тот скачет под диван, где затаилась взведенная мышеловка с засохшим сыром, напружиненная в ожидании, месяцами поджидающая гостя. Но, подобравшись опасно близко к скверному сюрпризу, ищущие пальцы лишь зацепили конструкцию, отодвинув ее в сторону и сомкнувшись на вибрирующем телефоне. Она открывает сообщение. Читает:

ОБНУЛИТЬСЯ!

Тут же перевернув телефон, извлекает аккумулятор.
Представление начинается!

* * *

Семь минут спустя она на улице, плывет в человеческом потоке. Пора рвать когти. В запасе всего два часа, чтобы скрыться. Свои черты она прячет под козырьком бейсболки, большими солнцезащитными очками и медицинской маской N95. Она подготовилась на совесть, от и до изучив сведения о камерах распознавания лиц и о том, как их перехитрить. К тому же натянула на себя столько вещей, что запросто проведет всякого (включая любой бот), высматривающего худую даму, настоящего книжного червя.

Более того, она читала о технологии распознавания походки и знает, что должна ходить *не по-своему*, но и как попало идти тоже нельзя, что само по себе вызовет подозрения при распознавании. Что она должна сделать – и пытается делать прямо сейчас, а для этого требуется изрядная сосредоточенность, – так это *постоянно шагать как кто-то другой*, создав новую личность и наделив эту личность собственной походкой, обзавестись уникальными повадками, которые сумеет еще и поддерживать. Не годится, чтобы в первый же час какой-нибудь компьютер где-нибудь забил тревогу, что некая подозрительная особа на улицах Бостона разгуливает, как три разных человека – либо пьяна, либо пытается их одурачить. Посему она старается шагать, как уникальная выдумка – назовем ее мисс Икс, – где-то ее возраста, но куда более уверенная в себе, более счастливая, менее обремененная мыслями, с заметно более летящим шагом и заметно более виляющими бедрами. Она идет по улице на манер этой мисс Икс, но на деле это дается куда труднее, чем казалось раньше: она ненароком пинает собственные лодыжки, размахивает свободной рукой, выгибает спину и вообще ступает как модель на подиуме в изнурительном испытании фальсификации на пригодность.

И вообще, что она затеяла в этой замысловатой игре в прятки? Кейтлин – библиотечкаря. Библиотечкаря, о которой – святые угодники! – уже через два часа будут знать больше, чем она сама о себе – *куда* больше. Привычки и модели поведения, о существовании которых она сама даже не подозревала. Группа крови (кто-нибудь вообще знает свою группу крови?). Знак Зодиака (ладно, Дева). Связи (тут особо и изучать-то нечего). Номер банковского счета, баланс (тоже хвалиться нечем). Дети (ни одного, это просто). Психическое здоровье (хрупкое, имеется история болезни). Черт, она тут раздумывает, а у самой ноги заплетаются... Шагай, мисс Икс. Оставайся в образе.

P.S. Шире шаг.

Осталось 29 дней 22 часа 21 минута

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

Один час тридцать девять минут после сигнала «Обнулиться!». Команды «Слияния» на своих постах, ожидают перед рядами погашенных экранов, послушно исполняя приказ не нажимать даже на клавишу пробела, пока не истекут предписанные два часа форы. Осталась всего двадцать одна минута до начала испытания с самой высокой ставкой в их профессиональной жизни. *Тик-так, тик-так...*

Доктор Сандра Клифф ждет вместе с ними. В шестьдесят восемь лет она закаленный ветеран множества сражений. Повидала все и всякое, избавилась от уймы соперников. Еще в 1990-х Сандра первой успешно подтолкнула ЦРУ к сотрудничеству с частным сектором. Даже лично разработала программу по приобретению технологий у технических гигантов еще на стадии разработки. За это ей вручили Премию директора ЦРУ, Премию директора разведывательного управления Минобороны, медаль ЦРУ «За выдающиеся заслуги в разведке», Премию сотрудникам национальной разведслужбы за выдающиеся заслуги и медаль Агентства национальной безопасности «За выдающиеся заслуги». В 2005-м ушла в отставку, вполне довольная своим вкладом. Почти десятилетие после того она противилась назначению на государственные посты, пока в 2014 году новый (более дружественный) президент не назначил ее членом Национального совета по делам науки и Национального научного фонда. Следующий президент (более враждебный) игнорировал это учреждение, пока его преемник (дружественный) не возвысил его вновь, и как раз в качестве его члена Клифф отрядили сегодня сюда – чтобы она от лица Овального кабинета окинула взглядом программу «Слияние» вообще и своего преемника, доктора Бертрама (Берта) Уокера, назначенца Джорджа У. Буша, в частности.

Больше всего Сандру Клифф беспокоит вот что: еще когда она впервые призывала ЦРУ начать работать с частным сектором, не было ни малейших сомнений, что приобретенными активами будут владеть и распоряжаться ЦРУ, РУМО⁸, Национальное агентство геопространственной разведки и/или более широкие правительственные круги. Но они *ни в коем случае* не должны даже частично принадлежать или вообще находиться под началом неизбираемого предпринимателя, не присягнувшего никому, кроме акционеров. В результате этот проект вызвал у нее подозрения, так что она не станет плакать в три ручья, если бета-тест шмякнется своей не в меру дорогой рожей прямо в грязь.

Поворачиваясь, чтобы поглядеть на Берта Уокера, Сандра улыбается; очумев от такого множества мерцающих огней и экранов, забитых данными, он выглядит куда более счастливым по этому поводу, чем она.

«Слияние» – дитя Берта. Ему пятьдесят пять. Рубашка под десятидолларовым галстуком застегнута не на те пуговицы. Раскраснелся, как от горячего полотенца перед бритьем в парикмахерской. «Слияние» для него в роли заместителя директора – *заведомо* игра на грани фола; это его попытка в 2020-х совершить для Управления то же, чего доктор Клифф столь элегантно и успешно добилась тремя десятилетиями ранее, – а именно расширить и модернизировать его деятельность. Поскольку ЦРУ практически возбраняется какая бы то ни было деятельность на территории США, исключая разве что противодействие внешним угрозам, Берт видит в «Слиянии» – и в Сае Бакстере – способ тихой сапой расширить внутреннюю активность, не возбудив грандиозные, многоуровневые, удушаемые разнообразнейшими комитетами дебаты в Вашингтоне по поводу превышения им своих полномочий.

⁸ Разведывательное управление Министерства обороны США, подразделение самого общего характера, в отличие от АНБ.

«Слияние» может осуществлять от имени ЦРУ – *крайне скрытно* – то, что ЦРУ не может осуществить напрямую.

Закулисная сделка Берта с Саем Бакстером столь же проста, сколь и уязвима: если бета-тест пройдет успешно, тогда «Слияние» заключает с ЦРУ ежегодный контракт, согласно которому последнее оплачивает все счета «Слияния» – приблизительно девять миллиардов долларов в год – в течение следующих десяти лет. По условиям этого тайного сговора «Слияние» будет располагать доступом ко всем *необходимым* разведанным из национальной разведывательной сети страны при соблюдении строгих правил их использования. В обмен ЦРУ будет пользоваться беспрепятственным (и неразглашаемым) доступом к обширной библиотеке личных сведений каждого, кто хоть раз устанавливал у себя «Уорлдшер» – в настоящее время более двух миллиардов человек. Сверх того, «Слияние» откроет ЦРУ доступ к своим блистательным техническим партнерам по всей планете плюс к своим ультрасовременным средствам наблюдения и на земле, и – в виде комплекса низкоорбитальных спутников «Уорлдшер» – в космосе.

Берт пропихнул сделку – точные условия которой от Конгресса утаили, – убедив и свое начальство, и Пентагон, что перед правительством стоит экзистенциальный выбор: либо партнерство с «Уорлдшер» Бакстера сейчас, либо риск опасного отставания от Китая и России, осуществляющих государственное финансирование кибервооружений.

Во время перекрестного опроса на засекреченных слушаниях по утверждению в Пентагоне его спросили, как получилось, что столь могущественная и устоявшаяся организация, как ЦРУ, плетется так далеко в хвосте позади *социальных сетей* в сборе разведывательной информации.

Очень просто, ответил Уокер. «Уорлдшер», в отличие от ЦРУ, не сдерживают законодательные ограничения. «Эти крупные технологические гиганты все делают на свой лад, фактически получив карт-бланш на право воровать человеческий опыт и личные данные, распоряжаться ими, манипулировать и продавать, почти два десятка лет, и никто на Холме⁹ даже толком не пикнул. Так стоит ли удивляться, что теперь они имеют практически тотальный контроль над производством, организацией и предоставлением информации о людях всего мира?»

Таким образом, самой секретной ветви величайшей сверхдержавы мира не оставалось ничего иного, как потесниться, выделив за столом для больших детишек место для Сая Бакстера – с ним, по крайней мере, можно работать.

Так что неудивительно, что Сай склалится с помоста на втором этаже, пока отсчитываются последние секунды до начала бета-теста, восторженный, как принцесса, замахнувшаяся бутылкой шампанского на съезжающий со ступеней новый корабль. Сегодня он и его поколение фактически трубят победу – победу своей юной отрасли, которую раньше никто не принимал всерьез, а теперь ей доверена колоссальная работа. Да вдобавок это еще и личная победа для Эрики и для него самого, в чьих душах до сих пор не зарубцевались раны после трагедии, решительным откликом на которую в изрядной степени и послужил этот проект.

Если бета-тест пройдет успешно – а никто, кроме разве что Сандры Клифф, в этом не сомневается, – наступит эпоха тотальной информации (к добру или к худу), и эту информацию можно будет пустить в ход, чтобы сделать страну – и мир – безопаснее.

Три.

Сай сжимает кулаки, возносит их над головой...

Два.

Как будет здорово, если это действительно удастся. Для каждого. В самом деле.

Один.

Для всех, кроме мерзавцев.

⁹ Капитолийский холм – район Вашингтона, где заседает Конгресс.

– Представление начинается! – провозглашает Сай.

Одновременно все компьютеры и мириады экранов высокого разрешения пробуждаются к жизни, изображение аналоговых часов гаснет, а вместо них на громадном ЖК-экране появляются большие цифровые – со старомодными сегментированными цифрами, – ведущие обратный отсчет и провозглашающие пламенеющим алым шрифтом:

ОСТАЛОСЬ 29 ДНЕЙ 21 ЧАС 59 МИНУТ

29 дней 21 час 59 минут

Бостон, штат Массачусетс

По правилам, у кандидатов всего два часа для того, чтобы обнулиться. Насколько же быстро могут лететь два часа! Кейтлин знает, что через два часа одну минуту после приказа действовать ее сверх меры умные преследователи наверняка будут иметь ее адрес, детализацию банковских операций, номер мобильного, биографию по большей части, налоговые декларации, медицинские карты, электронные адреса, фото. Она буквально чувствует, как они копошатся вокруг нее, осматривая ее чуть ли не с лупой, сканируя ее, вторгаются в личное пространство, словно проводя личный досмотр, выуживая ворсинки из-под ногтей, выдергивая прядку волос, чтобы добыть ДНК. При мысли об этих бесчисленных цифровых вторжениях она морщится. Но сейчас не время терять самообладание. «Просто следуй плану, – твердит она себе. – Приспособливай его по мере необходимости, но держись плана». Она знает, что все это – чертовский риск, эта состряпанная ею стратегия Первого дня, заключающаяся в том, чтобы не бегать слишком много или слишком далеко, а просто медленно направиться на местную автобусную станцию в назначенный момент, а там уж по обстоятельствам. Она сделала домашнее задание и прочла свои молитвы. Святая Мария, Матерь Божья... *Должно* сработать. Она перебирает в голове любимых маминих святых. Вообще-то верующей ее не назовешь, но сейчас ей требуется вся помощь свыше, которой удастся заручиться. «Надо было поставить побольше свечей», – думает она. Попросить ангела-другого, чтобы приглядывали за ней. Уж во всяком случае это не повредит.

Бостон. Родина. И уже вражеская территория. Глаза повсюду. Она уже некоторое время высматривала камеры на знакомых улицах, но сейчас чувствует, что те же самые камеры высматривают ее. Почему-то кажется, что их стало куда больше, чем прежде, – на каждом пешеходном переходе, на шлеме чуть ли не каждого велокурьера. Эти камеры ничуть не беспокоят, когда знаешь, что тебя не разыскивают, но какими же угрожающими становятся они, когда знаешь это! Теперь все и каждый кажутся потенциальными информаторами, враждебным выглядит весь окружающий мир.

Стержень ее стратегии сейчас в совершении промашек – но с умом. Расстроить их ожидания. Они ожидают от конкурсантов хитрости и коварства, мудреных уловок и запутывания следов. А что, если она не будет из кожи вон лезть, чтобы скрыться? Слишком стараюсь, она, скорее всего, сыграет им на руку.

Например, в правилах не сказано, что нельзя пытаться улететь в Гондурас или Патагонию, но при попытке так поступить непременно напорешься на государственные методы наблюдения во всей их красе. Уже сама попытка оказаться вне пределов досягаемости навлечет на тебя погибель. Так что, решив, что в плане не будет ни аэропортов, ни пограничных контрольно-пропускных пунктов, она принялась обдумывать, какие действия со стороны женщины наподобие Кейтлин Дэй будут совершенно неожиданными. Что она может предпринять, чтобы это наверняка не вписывалось в их прогностическую модель? Что идет вразрез с ее личностным профилем и предысторией, а потому окажется непредвиденным?

Она читала о математической модели поведения, разработанной новыми надзорными органами, чтобы держаться на шаг впереди преступников, заранее зная, что предпримут злоумышленники, исходя из их прошлого поведения и вековой истины, что никто не меняется – не меняется *по-настоящему*, не считая периодических взрывов и сдвигов. *Qui non*

*mutantur*¹⁰. Так что они сейчас же наверняка займутся моделями Кейтлин и, опираясь на ее биографию, смогут в любую секунду определить, причем с большой степенью точности, что она, скорее всего, предпримет в следующую. А что, если она пустит под откос их шикарный локомотив? Швырнет гаечный ключ в их механизм? Что, если она не только будет ходить, как другой человек, но даже *думать*, как другой человек, *действовать*, как другой человек, *реагировать*, как другой человек, *станет* другим человеком?

Подходя к банку, она, раз уж ее собственная жизнь на время превратилась в подобие маскарада, разглядывает сограждан, поголовно занятых самовыражением, собственными мини-маскарадами. Кто из них шпион? Фальшивка? Мошенник? Кто из них нацелился заарканить ее? Вот этот идущий навстречу молодой человек, как и все его поколение, не выпускающее телефона из рук, шагает, ссутулившись, будто *Homo habilis*¹¹ два миллиона лет назад, – враг или друг? Или другая отелефоненная особа – женщина, наверное, постящая обновление статуса в «Твиттере», а может, проверяющая, сколько пройдено шагов, сколько калорий в среднем маффине, или получившая уведомление о купоне на скидку в кофейне, мимо которой только что прошла (и все это записывается, сортируется, перекапывается для понимания потребителя базами данных, страховыми компаниями, политическими организациями)? Уоррен в свое время растолковал ей все это, и как только договорил, она ликвидировала все свои учетные записи за один вечер. *Жах*. Все остальные внезапно стали казаться безумцами. То, как они проживают свои жизни, явно чистое безумие. А они еще зовут Кейтлин чокнутой!

Кейтлин любит детективы – классические, но и новые вещи тоже; они выстроились вдоль стен в ее тесной квартирке, а на почетном месте красуются рассказы Эдгара Аллана По. Забудьте о Шерлоке Холмсе. Этот без конца воспроизводимый «блистательный» социопат был дешевой копией единственного и неповторимого Огюста Дюпена, героя «Убийства на улице Морг» По. Вот это рассказ! Ага, тот самый, что с обезьяной. Дюпен поражает друзей тем, что читает их мысли, отвечая на их невысказанные вопросы. Он знает, *что* кто-то сделает, прежде чем собирающийся что-то сделать осознает это сам. Он жаден до деталей, умеет видеть, запоминать и интерпретировать увиденное. Дюпен делает умозаключения, экстраполирует, предполагает, предсказывает. Конечно, просто выдумка, просто крутая идея, и никому не дано видеть так много, и помнить так много, и предсказывать, что произойдет, прежде чем оно произойдет. До сих пор. А сейчас? Сейчас каждый носит маленького прямоугольного Огюста Дюпена в кармане; тот анализирует циклы сна, частоту пульса, изучает график, поездки, подслушивает разговоры, делает выводы о дальнейших шагах. Эта миниатюрная ищейка знает, когда новость заинтересует тебя, какой именно рекламный слоган зацепит тебя так, чтобы направить прямоком в двери нужного магазина в самый подходящий момент.

Ладно. Ладно. Погнали.

Она шагает к банку. Просит Уоррена – мысленно – пожелать ей удачи, встает у банкомата, ожидая своей очереди. Среда бела дня. Кепка. Солнцезащитные очки. На лице у нее постоянно (теперь уже никогда никто и бровью не поведет) ковидная маска. Но теперь, как ни странно, она ее снимает. Делает глубокий вдох. Ее очередь. Радуйся, Мария, благодати полная! Она делает шаг вперед. Уверенно набирает пин-код и даже смотрит туда, где ощущает присутствие скрытой камеры, снимающей ее, узнающей ее. Подставляет свое лицо без маски под это невидимое око, остается там, спокойная, милая и невозмутимая, пока не забирает карту, которую изрыгнул автомат, снова натягивает маску и удаляется.

¹⁰ Те, кто не меняется (*лат.*).

¹¹ Человек умелый (*лат.*) – африканский предок человека современного вида, впервые ставший изготавливать орудия труда.

29 дней 21 час 14 минут

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

Пока что все в порядке.

Сай находится в своем набитом техникой кабинете на втором этаже, когда поступает первый сигнал тревоги. Его стеклянный стол вспыхивает. Библиотекарша, Нуль-10. Бостонская тетка. Отлично! В этом городе команда захвата есть. Из кабинета Сай отнюдь не выбегает, а неспешно выходит. Из всех Нулей, чьи идентификационные данные изучались последние шестнадцать минут, Нуль-10 тут же зарекомендовала себя как самая яркая представительница неискушенных граждан, восхитительная растяпа, живущая в счастливом заблуждении, что все ее поступки по-прежнему ее личное дело.

Но он-то надеялся, что даже библиотекарша задаст задачку потруднее, чем эта. Взяла и пошла к банкомату, и воспользовалась собственной дебетовой картой. Ни ума, ни фантазии. Он искренне уповает, что прежде чем все это закружится, его технология, могучая и разнообразная, пройдет куда более тщательный тест-драйв. Чтобы произвести впечатление на ЦРУ, тем самым заручившись десятилетней девяностомиллиардодолларовой программой, надо, чтобы представители Управления увидели, как его команды щелкают трудные проблемы, будто орешки, впиваются в них клещами, докапываясь до цифровых крошек, которые оставляет за собой обычный человек, и демонстрируют невообразимые возможности обнаружения и захвата, потому что будущие Нули окажутся не библиотекарями, а поддерживаемыми государствами киберврагами Америки – русскими и китайскими шайками хакеров, пускающими в ход замысловатые, почти необнаружимые и совершенно неистощимые стратегии; северо-корейскими криптопреступниками, иранскими шантажистами, анонимными террористами, беспрепятственно разгуливающими по реальным американским улицам.

Так что замести Нуля-10 менее чем через час – вовсе не так уж замечательно, как кажется. Честно сказать, теперь он раскаивается, что сам же настоял на собственном отстранении от процесса отбора Нулей – процесса, по большей части проведенного его партнерами из ЦРУ, бравшими на себя задачу вербовки пятерых репрезентативных обычных граждан и пятерых профессионалов. Но библиотекарша? Репрезентативная, а? *Правда? Книгочелка?* Весь мир перешел на цифру поколением раньше, а какой-то ушлепок из его команды выбрал *синего чулка*, антиквариат, чтобы напячить «Слияние»? Сай делает мысленную пометку, чтобы посоветовать на эту утраченную возможность подучиться, но вдруг соображает, что аналоговые люди, о которых он уже давненько не вспоминал, на самом деле обладают преимуществом в современном соглядатайском мире: их ляпы с куда меньшей вероятностью забьют цифровую тревогу, так что для захвата надо больше полагаться на традиционные средства. И все же его коробит, что эта аналоговая бабочка влипла в его искрящуюся паутину слишком рано.

Он выходит на мостик над центром управления и смотрит сверху вниз на большой экран. – Видео? – кричит Сай вниз.

Эрика на первом этаже. Он машет, она машет в ответ.

«Без Эрики ничего этого не было бы, – думает он. – Скольким же я ей обязан...» Некоторые отношения низвергают тебя во прах. Некоторые возносят. Редкие – вдохновляют на *подобное*. Глядя вниз, на то, что он – с ее помощью – выстроил, Сай позволяет себе комплимент: недурно для сына матери-одиночки, сдававшего пустые бутылки от газировки в беднейших кварталах Портленда, штат Орегон, чтобы получить хоть какие-то карманные деньги, теперь ставшего необходимой частью аппарата внутренней безопасности Америки и, сверх того, вставшего во главе учреждения, способного засечь следующую странную вспышку вируса

в самом ее зародыше, перехватить треп о планировании акустической атаки на сотрудников посольства США, предотвратить отключение жизненно важных служб, повязать следующего Джеффри Эпштейна¹² по рукам и ногам, не говоря уж о том, чтостряслось с Майклом! «Бедняга Майкл... Думаю сегодня о тебе, мужик», – мысленно возглашает он, поднимая взгляд в светской молитве к потолку и пространствам Вселенной над ним.

Ролик низкого разрешения, выуженный из банкомата и растянутый до десятка футов в высоту, отображается теперь на гигантском экране. Программа – одно из его собственных творений – автоматически останавливает видео на самом подходящем кадре, проводит зеленые линии через поверхности лица, измеряет расстояние между глазами, определяет форму ушей и рта (на который не поспешила мать-природа) Кейтлин Дэй и сопоставляет все это со стоп-кадром из видео, снятого на этапе собеседования. Идеальное совпадение. Теперь есть целая подборка ракурсов из банкомата, так что можно отследить ее лицо где угодно. Сай наблюдает, как Нуль-10 поворачивается и выходит из кадра. Он бросает взгляд на метку времени: пятьдесят три секунды назад. Личность превратилась в значок на карте. Вашингтон-стрит. У нее ни шанса. Такими темпами, сетует он, они даже не наиграются своими лучшими игрушками.

– Можем мы натравить на нее «Медузу»? – интересуется Сай, имея в виду аппаратные средства в виде супердрона, способного курсировать на высоте двадцати пяти тысяч футов, вооружившись множеством камер, и использовать уникальную оптику, чтобы получить безупречный крупный план Нуля-10, не прерывая бдительного наблюдения за окружающей местностью на площади пятнадцати квадратных миль.

Эрика трясет головой. Ответ отрицательный.

До Сая доходит. Бостон – один из *тех самых* городов. Уж следовало бы думать, что после бомбы на марафоне они должны сами умолять, чтобы «Медуза» кружила над ними денно и ночью, так нет же!

Эрика снова оборачивается к нему:

– Но у нас есть компактные дроны, направляющиеся к месту событий, а также система скрытого видеонаблюдения. Она направляется к китайскому кварталу.

Пока Эрика выслушивает операторов эскадрильи мини-дронов следующего поколения – каждый не больше карманной книжки, – Сай спускается по винтовой лестнице.

– Где команда захвата? – спрашивается он.

– В ее квартире. Они как раз приступили к начальной зачистке. Четыре минуты.

Сай передергивает плечами, чтобы разогнать напряжение в них и в шее.

– Как только они ее прихватят, могут присоединиться к аварийным командам Нулей Семь и Четыре. И еще: у меня сегодня вечером назначен сеанс йоги?

– Дроны в воздухе, и да, мы организовали прилет Кудзо.

– И что бы я без тебя делал?

Встречаться с ней – все равно что встречаться с безотказным софтом.

Пока Сай занимает свое сиденье на пьедестале, снова становясь капитаном Кирком, главный экран рассыпается на полдюжину Кейтлин, шагающих по улице от банкомата – три со стационарных камер, и теперь к ним присоединились три других, более далеких, но стремительно приближающихся – получены от стайки крылатых видеоглаз.

– Кто пилотирует? – интересуется Сай.

Поблизости в воздух ненадолго вскидываются три руки, и он отдает инструкции.

– Пусть один из вас пойдет к ней спереди, прогоните ее аллюр через анализатор походки и сопоставьте со статическими камерами. – Вообще-то это не имеет смысла, она и так уже на тарелочке с голубой каемочкой, но это натренирует алгоритм и заставит публику в Пустоши попотеть, пока не подоспеет команда захвата.

¹² Джеффри Эдвард Эпштейн (1953–2019) – американский финансист, секс-преступник и торговец людьми.

Один кадр на экране смазывается и идет кругом, когда дрон устремляется на опережение и разворачивается. «Следить за развертыванием событий на экране и одновременно видеть оператора за пультом управления, – думает он, – все равно что кружиться на детском аттракционе «Чашки». Впрочем, изображение не дерганое: стабилизатор камеры упрощает дело, а благодаря скорости обработки и подключению к 5G любая мелочь идет без сучка без задоринки. Подавшись вперед, Сай выбирает пару опций из выпадающего меню на собственном экране, чтобы иметь возможность в реальном времени мониторить анализ движений Кейтлин – как покачиваются ее бедра, как она выбрасывает и выпрямляет ноги, размахивает руками; каждая из этих позиций – общее место в человеческом каталоге, но здесь она представлена коловращением строк холодных чисел, обозначающих нечто сокровенное, личное, индивидуальное. Он наблюдает, как машина *думает*. Как же красиво кодируется одна из человеческих тайн. *Homo erectus*¹³ в движении! А потом процесс останавливается. Никакой Кейтлин ни на одном из шести экранов.

Он поднимает голову.

– Где она?

– Вошла вон туда, – отвечает Эрика. Одна из камер беспилотников показывает унылый винный погребок.

– Внутренняя система скрытого наблюдения?

– Нету, – откликается один из членов команды, приставленной непосредственно к Нулю-10. – Они не подключены. Ждем?

Сай вздыхает. Осознает, что они действительно ожидают от него ответа. Ему еще учиться и учиться, каково быть генералом на посту в боевой обстановке; ничего общего с председательством на заседании совета директоров, подписанием годового отчета или одобрением последнего обновления софта.

– А у этого магазина, часом, нет задней двери? – догадывается он поинтересоваться.

Один из дронов юрко перемахивает через крышу, чтобы спуститься прямо в переулок позади здания, зависнув там в ожидании, как колибри. Захватывает в кадр пожарную дверь, только-только захлопывающуюся до конца. Однако переулок пуст.

Сай крутит указательным пальцем, и пилот поворачивает дрон кругом с мучительной медлительностью: мусорный контейнер... пожарный выход... двери гаража... Вон!

– Гараж!

При выкрике Сая дрон дергается, но тут же выравнивается и мчит по переулку, как охотничий пес, и добирается до улицы как раз вовремя, чтобы увидеть Кейтлин Дэй... садящуюся в такси.

– Докладывайте! – орет Сай. Скуки как не бывало.

– Команда захвата в двух минутах. И у нас есть данные тачки.

На экране появляются права водителя вместе с номером жетона и почти сразу следом все, что известно о владельце – молдаванине, отце трех детей, просрочившем срок пребывания по визе.

Другие Нулевые команды теперь тоже таращатся на большой экран, отвлеченные от собственной работы в Пустоши и других местах горячечным возбуждением погони.

Пилот дрона, заставший Кейтлин садящейся в такси, еще преследует ее, пустив в ход геймерские умения своего поколения. Уклоняется от уличных объектов, огибает по дуге деревья, с креном уходит вниз под путепровод на Вашингтон. Затем, в мгновение, когда обзор у него перекрыт, такси сворачивает в поток движения среди других такси, так что приходится

¹³ Человек прямоходящий (*лат.*); здесь, видимо, имеется в виду человек как таковой, а не конкретный предковый вид современного человека (более поздний, чем *Homo habilis*), особи которого первыми обрели скелет, полностью приспособленный для прямохождения.

шнырять между полосами Стюарт-стрит, затем двигает на север по Чарльз, закладывает вираж вокруг автобуса, отшатнувшись от тротуара, пока второй дрон срезает дорогу под деревьями, бесстыже пикируя над головами глазающих вверх туристов («Надо принять закон против этих дронов!») – как раз вовремя, чтобы увидеть, как такси впереди резко сворачивает налево под завывание клаксонов. Дрон дергается. Реагирует. Возобновляет преследование.

– Там! – кричит Сай, когда такси наконец быстро подкатывает к бордюру рядом с лестницей на станцию «Парк-стрит», забитой студентами, спускающимися в подземку. Ему на мгновение попадает на глаза миниатюрная темноволосая женщина, ныряющая в колышущуюся волну подростков.

И исчезает. Дроны бесполезно зависают над входом в подземку, а команда захвата кричит во внедорожнике с тонированными стеклами, и вся, кроме двоих, вываливается на улицу в своей черной форме и неприметных куртках. Двое оставшихся вытаскивают водителя из такси, козырнув своими значками. Водителя их вид отнюдь не обрадовал.

Пока команда захвата устремляется в погоню, Сай улыбается и хлопает ладонями по столу – по большей части от восторга перед неожиданными умениями библиотечарши и возбуждения, что она все-таки оказалась крепким орешком! Насколько это круто? Нателные камеры дают Саю вид глазами преследователей, пока те (разумеется, безоружные) ссыпаются по ступеням, проталкиваясь мимо молодежи на узком эскалаторе.

– Распознавание лиц на станции ничего не дает, – докладывает один из «хвоста» Нуля-10. – И она не воспользовалась «Чарли кард»¹⁴ на турникетах.

На экране мельтешит широкий ряд изображений изнутри станции – это его люди подключились к сети системы скрытого видеонаблюдения станции. Масса бостонцев. Всех форм, размеров и цветов. Все движутся, толкуются, смешиваются. Сай прикусывает губу. Их слишком много – слишком много кепок «Ред Сокс»¹⁵, зимних шапок и поднятых воротников курток (даже в мае), городская сумятица, и алгоритмы распознавания лиц барахтаются изо всех сил, справляясь с умопомрачительной математикой заурядного человеческого разнообразия. «Парк-стрит». Две линии, четыре направления на выбор. Слепые зоны. Колонны. В первую минуту он еще надеется, но по истечении второй начинает думать, что она скрылась. Ускользнула.

Чем заслужила еще одну одобрительную улыбку. Надо же, кто бы мог подумать!

– Разделите команду. Половину пошлите к ней на квартиру, закончить обследование, а половину оставьте на месте и продолжайте прогонять распознавание лиц на всех камерах в центре. Черт! Гоните по всему городу.

Он направляется обратно в свой кабинет, по-прежнему улыбаясь, с парадоксальной мыслью: «Жми, Кейтлин!»

¹⁴ «Чарли кард» – бесконтактная карта для оплаты проезда на транспорте Бостона.

¹⁵ «Бостон Ред Сокс» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

29 дней 20 часов 47 минут

Бостон, штат Массачусетс

«Значит, мое лицо у них есть», – думает она. Почти наверняка. Ее уникальная физиономия теперь зарегистрирована в национальных базах данных: Кейтлин Дэй, Нуль-10. Как следствие, с этой минуты она должна очень тщательно скрывать свое лицо, где бы ни решила с ним показаться.

Раньше, во время процедуры собеседования, после того как она подписала СНКИ, публика из «Слияния» удивила ее тем, что не взяла не то что отпечатков пальцев, но даже копии ее водительских прав. Это все ради усложнения задачи, которую люди из «Слияния» поставили себе, объяснили ей – а именно знать о своих жертвах как можно меньше помимо того, что необходимо для определения их пригодности к делу и психологической выдержки. Им нужна хорошая выборка типов личности и способностей, чтобы испытать собственную готовность к угрозам извне, но притом они хотели еще и усложнить задачу для себя. Будет сформирован пул кандидатов, обещали они, с различными мировоззрениями, устремлениями и наборами умений. Надо полагать, ее выбрали, чтобы испытать свой арсенал против всех будущих угроз для национальной безопасности со стороны незамужних бездетных близоруких женщин, выдающих книжки.

Она торопливо пронесется по тоннелю Уинтер-стрит на «Даунтаун-кроссинг», где повисает на поручне поезда до «Бэк-бэй». Замечает десяток других в ковидных масках – вероятно, для некоторых этот аксессуар станет постоянным, что бы там ни сулило будущее; давняя бестолковая путаница сведений о вирусной нагрузке раздулась в их воображении, сплетаясь с фундаментальным страхом перед угрозой со стороны других людей, от которой надо защищаться, наводя на мысль: «Как же быстро окружающий мир может стать враждебной средой!» Быть может, она воспринимает это настолько остро, потому что люди, прошедшие самую лучшую на свете выучку, сейчас идут по ее следам. Но притом она еще и чувствует, что начала проваливаться сквозь ткань общества давным-давно – все вниз и вниз, пока не оказалась не просто среди преследуемых, но еще и ненужных, изгоев и ренегатов, в преисподней парий.

Поменяв направление, она сворачивает к Стейт-стрит, натягивает капюшон и рысцой взбегает по лестнице на мощный красным кирпичом тротуар, задержавшись у газетного киоска, чтобы купить экземпляр «Вашингтон пост». «Никаких ошибок», – велит она себе. Нельзя терять бдительность. Кто среди незнакомцев, идущих мимо, может представлять угрозу? Пожилая женщина с гофрированным лбом, супящая на нее брови? Узколицый подросток в непомерно дутой куртке, придающей его тощей фигуре массивности, с «ирокезом» на голове, кивающий ей, как родной? Седовласый старик с покрасневшим от холода лицом, шарахающийся от опасности, которую усматривает в каждом встречном? А что видят камеры, разыскивающие Кейтлин Дэй? Что они распознают?

Проходя мимо батареи камер систем скрытого видеонаблюдения Конгресс-стрит, она знает, что где-то вдали программное обеспечение «Слияния» прямо сейчас пытается определить, не может ли эта женщина в худи в вестибюле станции подземки оказаться Кейтлин Дэй, есть ли соответствие, движется ли особа, которую она показывает сейчас камерам, как Кейтлин Дэй, ведет ли себя как она. Так что сосредоточивается на собственном рассудке – единственном оружии, способном дать преимущество, – чтобы *не* быть Кейтлин Дэй. *Не* Кейтлин Дэй. *Не* Кейтлин Дэй. Не ходить, как она, не думать, как она. Она повторяет себе эту мантру, проходя под плящимися камерами, не ведая, узнает ли невидимая матрица, откалиброванная

на ее обнаружение, ее уникальные черты, те неизгладимые мелочи, личные приметы, укрыть которые ей не под силу.

Выныривая на солнечный свет, она направляется к автобусной станции – вот уже столетие как излюбленное пристанище беглецов, наркоманов, беженцев, бедняков, отчаявшихся и всех прочих, уповающих, что светлое будущее поджидает их где-то, но не здесь. Забирает свой потрепанный рюкзак из камеры хранения (ключевой элемент ее предварительной подготовки) и покупает билет в автомате за наличные. Ее автобус уже ждет. Это одна из бюджетных линий, с подобранными сиденьями, без камер в салоне. Меняет верхнюю одежду. Сует худи в рюкзак. Делает глубокий вдох. Чувствует себя чуть ли не новым человеком. Автобус выезжает из города.

29 дней 20 часов

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

Они в деле всего два часа!

Всего 120 минут с начала преследования. Или 7200 секунд. Осталась такая сраная уйма времени, что просто очуметь, целая галактика времени – добрых 30 дней времени, никак не меньше, или 720 часов, или 43 200 минут, или, если уж на то пошло, 3,25 миллиона ударов сердца. *Сраная уйма* ударов сердца.

Вернувшись в кабинет, Сай садится за ноутбук, и спокойствие сразу же расходится по его конечностям, пронизывая до мозга костей. В его случае техника успокаивает куда лучше, чем антидепрессант. Лишь когда его пальцы выплясывают на клавиатуре, когда от его прикосновения к жизни пробуждаются целые миры, он чувствует, что мир воистину *in Ordnung*¹⁶. Да, он любит природу, он лично помогает поддержать планету, ресурсы которой не безграничны, и весьма существенно (электромобили, жилища, не оставляющие углеродного следа, разработка плавучих городов, гранты на приостановку вырубki лесов в Амазонии, австралийском Дейнтри и Конго, инвестиции в малые модульные реакторы следующего поколения); но что ему действительно приятно, что его возбуждает, так это искусственный мир, интеллектуальный продукт художников за чертежными досками. Будь его воля, вселенная пахла бы, как новенький автомобиль.

В конечном итоге все дело в контроле. Он признаёт, что ему не по себе, когда ему отказывают в этом. Как же заручиться полным контролем? Достижением превосходства, подъемом до командных высот, где ты можешь себе позволить распоряжаться миром по собственному усмотрению. Сай уверен, что победа – а он несомненный победитель – всего лишь побочный результат настоящего знания себя и жатвы плодов своих особых дарований, тех искр, тех крохотных крупиц гения, которые в некоторой мере дарованы каждому, но которые лишь считанные единицы способны взогнать до состояния набитого энергией изотопа¹⁷. Сай *сделал* себя тем, кто он есть. Выстроил самого себя. Сейчас он невероятно далеко от шибздика, однажды лишившегося на детской площадке зуба (к счастью, молочного) от локтя драчуна. В этом году «Форбс» подкинул его вверх на восемь пунктов до номера 47 в списке богатейших людей мира – и он взмыл бы еще выше, если б не заносился в мечтах так высоко, не закачивал столько денег в высокорискованные предприятия, всплывающие брюхом кверху, или не жертвовал бы по-тихому так много на благотворительность. Он надеется, что он настолько хороший человек, насколько возможно для столь амбициозной персоны. Безупречный? Безусловно, нет. Старается? Да, и еще раз да. *Vincit qui se vincit*¹⁸.

И еще верит, что «Слияние» – следующий шаг, быть может, последний шаг навстречу такому миру, какого люди заслуживают. Само собой, он знает все аргументы против этого, знает, что конфиденциальность раз упустишь – больше не воротишь, что злоупотребления еще возможны, но еще знает, что преимущества защиты колоссально перевешивают подобные опасения. Находясь под наблюдением, люди просто ведут себя лучше, верит он, а когда пересту-

¹⁶ В порядке (*нем.*).

¹⁷ Изотопы – атомы химических элементов, имеющие разное число нейтронов в ядре и потому обладающие одинаковыми химическими, но разными физическими свойствами, в частности, разными уровнями энерговыделения; в данном случае имеются искусственно получаемые изотопы, наиболее известный пример которых – изотопы урана и плутония, использующиеся в ядерной технике и вооружении.

¹⁸ Побеждает тот, кто побеждает себя (*лат.*).

пают черту, ожидают стремительного противодействия. Неужто это мрачные фашистские фантазии о полицейском государстве? Нет-нет! Он категорически не согласен. Только подумайте о более справедливом мире, в котором позыв сотворить зло станет куда менее привлекательным. Можно ли поднести людям дар лучше этого?

Заинтересовавшись дамочкой, проскользнувшей между пальцами, Сай поворачивается обратно к ноутбуку и просматривает досье, выстраиваемое на Нуля-10. Уже тонна всякой всячины. Любопытненько... Почти никаких сюрпризов. Определенно *типаж*, и довольно непримечательный на свой манер: разочарованная особа, несчастная, не слишком успешная личность, неуравновешенная (исходя из медикаментов и истории психического здоровья), одиночка, мир для нее – орешек не по зубам. Нашла убежище в мире книг. Что ж, раз так, даже жалость берет, что Кейтлин Дэй, даже ужом скользнув в недра Бостона, спастись не сумеет; выигрыш трех миллионов долларов определенно стал бы для нее судьбоносным событием. Ну, может, Сай и сумеет что-нибудь для нее сделать, когда все это будет позади...

Вторая мысленная заметка на эту тему: «*Почему ее отобрали?*» Будь это шахматная партия, тогда эта необстрелянная из Бостона только что ухитрилась из всех возможных дебютных ходов (в общей сложности 1327, согласно «Оксфордскому справочнику по шахматам») сделать классический (например, испанская партия: моментальный вывод коня, агрессия королевского слона) – удачный только тогда, когда знаешь, как его развить. Но и это дорогого стоит. Сай хочет попробовать еще раз выйти на нее *сам*. Теперь она интригует его, это привидение по ту сторону невидимой шахматной доски. Были ли основания для ее выбора более загадочными, нежели ему известно? И все равно его прогноз: мат в три хода.

Откинувшись на спинку кресла, Сай пытается припомнить, когда последний раз ездил в общественном транспорте. Наверное, в Нью-Йорке в первые дни существования «Уорлдшер», когда они с Эрикой тряслись по пути в Мидтаун из Уильямсберга, пытаясь растолковать финансистам, что он создал. Засиживались допоздна, потягивая дорожные коктейли, купленные на кредитные карты с едва теплящимся лимитом, а потом тряслись обратно в съемную квартирку, где он протрезвлял себя энергетическими напитками и аддераллом¹⁹, а затем программировал до рассвета, пока Эрика спала.

Эрика быстро научилась говорить на языке финансистов. Она служила переводчиком для него и переводила его слова для них, разъясняя все о группах данных и цифровом шлейфе так, чтобы на Уолл-стрит поняли. Она демонстрировала им огромный объем информации, которую полные энтузиазма пользователи «Уорлдшер» создавали, блуждая по своим цифровым странам чудес, показывала, что им нравится и чего хочется, какие кулинарные рецепты и узоры для вязания, теории заговоров и сексуальные фантазии. Все, чего они касались, на что смотрели, что искали и чем делились, – все это создавало цифровой след, который она могла истолковать. Эти шлейфы, эти следы можно агрегировать и даже продавать, как товар, объясняла она. И тогда вы сможете адресно выходить на индивидуумов с рекламой по их вкусам, значительно повышая шансы продаж. Подача сработала.

Скоро Эрика стала чересчур занята, чтобы поспевать за технической стороной проекта, отстранилась от него, узнавая ровно столько, сколько требовалось, чтобы манипулировать маловразумительными, зато впечатляющими терминами, но в остальном фокусируясь на найме нужных людей, чтобы добиться нужной детализации. И занималась наймом – адвокатов, финансовых аналитиков, пиарщиков, пройдох (но притом гиковатых) в команду продаж, пока Сай занимался тем, что удастся ему лучше всего, – превращением их золотой горы данных в прогнозы будущих моделей поведения покупателей или политических убеждений, оказывающие влияние на весь мир. «Эй, нет вреда, так и не беда, – доказывал он, – я просто раскрываю вам целевую аудиторию». «Откуда вы добудете всю эту личную информацию?» – спрашивали

¹⁹ Аддералл – препарат-психостимулятор, комплекс солей амфетамина.

они. Все просто. Мы находим деликатные способы заставить обычных людей давать ее нам по собственному почину. Клик мышью – и готово. Мелкий шрифт никто не читает. А в результате платят громадную цену за вход в безобидные с виду соцсетевые ясли Сая, вызывающие наркотическую зависимость, выкладывая фотки и видео с геотегами, новости и лица в это колоссальное хранилище информации, документирующие реакцию общественности на события и ее эволюционирующие нравы. Разумеется, это можно использовать, чтобы опечалить людей, разозлить, внушить надежду, безнадежность, жадность. Благодаря не в меру ретивым пальчикам на клавиатурах персональных компьютеров человеческая психология распахнулась настезь для внимательного обозрения. Оказывается, мы не так уж сложны, как думали. Мы просто претендуем на сложность. А на самом деле мы стадо. Теперь «Уорлдшер» на законных основаниях погоняет это стадо хлыстом, шпорами и залихватским выкриком. Йих-ха!

– Сай! – раздается голос Эрики. Она единственная, кому дозволено врваться к нему прямо в ухо. – Команда обустроилась в квартире Нуля-5. Хочешь порулить?

* * *

Пятнадцать минут спустя он, в гарнитуре виртуальной реальности, стоит (вернее, так ему кажется) в обычной пригородной квартире в Бойсе, штат Айдахо. Команда захвата Нуля-5 получила доступ в реальный дом и сканирует для Сая, не покидающего «Слияния», холл и спальни: гигантский телевизор, малость потрепанный диван с пятнами от еды на подушках, пол завален детскими игрушками. А Сай там, прямо там, смотрит влево, смотрит вправо.

– Какие у нас на нее сведения? – осведомляется Сай, передвигаясь по своей иллюзорной версии той самой комнаты, находящейся в сотнях миль от него, с VR-гарнитурой на глазах.

– Нуль-5, – отвечает голос Эрики у него в наушнике. – Роуз Йео. Мать-одиночка. Двое детей.

Это объясняет разбросанные вещи. Сай проходит прямо сквозь призрачный диван к призрачному камину. Рассматривает призрачные семейные фотографии. «Второй штатский типаж, – думает он, – с виду лишенный уникальных талантов; так какая же глубинная замысловатость гарантировала ее утверждение?» Что ж, наверное, была выявлена какая-то загадочность, некая атипичность, выделявшая ее, свидетельствующая, что предугадать ее действия трудней, чем первого встречного, а значит, в конце концов, она достойный противник в этой монолитной игре в прятки.

VR-интерфейс работает не так хорошо, как хотелось бы Саю, – изображение мигает, проясняется, снова мигает. Начать хотя бы с того, что шлем тяжелей, чем хотелось бы; мышечно-пространственное восприятие идет наперекосяк, пока тело пытается разобраться, с чего это голова вдруг стала чересчур большой и неуравновешенной. Конструкторам следовало бы уже разобраться с этим. Нужны противовесы, стекло потоньше... Он поднимает руку, и датчики на запястьях вырисовывают версию его пальцев в проекции гостиной Роуз Йео, чтобы не дать его подсознанию рехнуться. Образ грубоват, просто туман из голубых пузырьков, но достаточно хорош, чтобы мозг констатировал: «Лады, это моя рука» – и сориентировался.

– Знаете, как определить, спишь ты или нет? – спрашивает он ближайшую сляпательницу, отчего у нее занимается дух; фикция лица обращается к нему, польщенная тем, что великий человек обращается к ней, притом чуть ли не лично.

– Нет, сэр. Я...

– Поглядите на свои руки. Во сне мозгу трудно их прорисовать. Ладони выглядят нелепо, могут обнаружиться лишние пальцы. А если поглядеть на ноги, половину времени они не будут касаться земли.

Сай смотрит вниз, как и помощница. Хоть их стопы представляются голубым абрисом, но они прочно стоят на ковре.

– Нужно доработать, но мы хотя бы справляемся лучше, чем среднестатистический сон. Так. За дело.

Половина фоток на каминной доске – портреты детей. Мальчика и девочки. Как только он фокусируется, в воздухе рядом с фотографиями появляются их имена и возраст. Семь и пять соответственно. Сай проводит пальцем по воздуху, чтобы прокрутить сведения дальше. Этот новый интерфейс работает хорошо. Хорошие школьные отметки. Девочке нужны брекеты.

Тогда он переходит к фото Роуз, сделанному в баре в компании пары подружек с бокалами, поднятыми в тосте перед камерой. Информация о двух других женщинах тут же зависает в воздухе над снимком. Обе подружки Роуз по «Уорлдшер», так что обеих прошерстили в первые же секунды преследования. Габриэлла и Кайса. Одна замужняя, другая нет. Ни у одной нет детей. Обе трудятся в той же местной информационной службе, что и Роуз.

Следующее фото. Пожилая азиатская чета, Роуз между ними. Мама и папа. Местные. Мама тусуется на «Уорлдшер» уйму времени. В последнюю пару дней постила меньше, чем обычно, что может подсказать что-нибудь при анализе, а может, и нет. Но затем находится нечто явно заслуживающее внимания – позиция пульсирует в воздухе; этот оранжевый флажок – эквивалент задержки алгоритма, будто говорящего «гмм, любопытно». Чек продуктовых закупок мамочки. На прошлой неделе больше, чем обычно. Куда больше. А во вторник вечером она не пошла в свой кружок вязания. Оранжевые росчерки множатся. Но пока что ни один пункт не запустил автоматическую тревогу с красным флагом. А как насчет папочки? Папуля – цифровое серое пятно. Электронной почтой пользуется по учетной записи жены. Никаких соцсетей. Смартфона не имеет. Подобная публика еще существует. Сай просматривает обработку финансовых записей этого человека, выискивая оранжевое сияние. Выхватывает документы из воздуха, прокручивая, комкая и отбрасывая их через плечо своими мультяшными пальцами. Этот папочка Йео явно любит купоны. Зарабатывает баллы лояльности, забывая свою машину покупками. Алгоритм подсветил последние три записи. Расход бензина не соответствует обычному еженедельному. Ездил каждое утро, наполняя бак своего «Форда» под завязку.

– Домашний адрес, – произносит Сай. – Показать.

Посреди комнаты зависает карта с мигающей красной точкой.

– Маршрут отсюда.

Аккуратная красная линия от А до В.

У Сая своя гипотеза.

– Родители.

Через считанные мгновения у него в ухе:

– Папочкина машина у нас.

– Как?

– По его регистрации мы отследили бортовой компьютер автомобиля и хакнули. Сейчас отслеживаем.

Новая карта, на ней мигающая точка, посланная электронным блоком управления двигателем. Трасса 84.

– Он в машине один?

– Полагаем, да.

– Почему?

– Он слушает Джона Денвера²⁰. Громко. Хотите знать, какую песню?

– Само собой.

– «Проселочные дороги».

²⁰ Джон Денвер (наст. имя Генри Джон Дойчендорф-младший; 1943–1997) – одна из крупнейших звезд американской фолк- и кантри-музыки.

Сай начинает напевать своей команде: «Здесь почти что небеса / Западная Вирджиния / Голубой хребет / Река Шенандоа».

Лакшми Патель, бывшая фэбээровка, прикомандированная к «Слиянию» на ранних этапах, женщина лет тридцати с хвостиком, с гладкими черными волосами, подхватывает, выводя: «Древняя, древняя жизнь / Жизнь древнее дерев».

Уже как-то не так занимательно.

– Можно напустить на него местный беспилотник? – перебивает Сай.

– Уже направлен.

– Держите дистанцию. Не спугните. Он ведет нас к ним.

Меридиан, штат Айдахо, в десяти милях от Бойсе. Вот куда старина Йео ведет команду «Слияния». Спустя пятнадцать минут он прибывает на место. С высоты птичьего полета они наблюдают, как он подъезжает сзади к «Барбекю Большого Папочки». «Слияние» извлекает историю этого ресторана на годы вспять. Связь найдена. Бывший муж кухни по женской линии работает здесь менеджером. Семейство Йео явно сочло, что это достаточно дальнее родство. Ошибочка вышла...

Команда захвата находит Роуз и двоих детишек забившимися в кладовую. Как вскоре выясняется, ее план сводился к тому, чтобы папаша забрал их отсюда и повез в «Снейки», в Национальный заповедник хищных птиц имени Морли Нельсона у реки Снейк. Пожить в походных условиях. План неплох: там их найти было бы трудновато, но настолько далеко они не забрались.

Когда семейство покидает ресторан через заднюю дверь следом за командой захвата, девочка останавливается и машет рукой дрону, парящему над головой. Сай в Вашингтоне смотрит вниз, поймав себя на том, что едва не помахал в ответ. Милое дитя.

– Отличная работа, Сай, – говорит Эрика. – Одной меньше.

Сай кладет VR-гарнитуру обратно на стойку, рывком расстегивает липучки, чтобы избавиться от датчиков. Прикидывает, где же Роуз совершила первую ошибку. Наверное, хотела оставить детей с родителями, но в конечном итоге не отважилась. Мама Сая в поездках всегда с радостью сбывала его на руки едва знакомой няньке. Мамуле Роуз следовало бы взять пример с нее. Первой семьей, частью которой Сай ощутил себя по-настоящему, были Куганы. Их дом был битком набит случайными вещами, как и этот. Он проводил там бесчисленные вечера; Эрика занималась за столом, а Сай с Майклом обсуждали программирование. Давным-давно. Ага. Семья штука такая, вытворяет с башкой странные вещи...

Одна долой. Осталось девять.

28 дней 5 часов

Милуоки, штат Висконсин

Когда второй день Обнуления подползает к концу – на мысленных часах каждого игрока полночь уступила теперь место полудню, – Рэй Джонсон, Нуль-1, внезапно чувствует, что возраст буквально обрушивается на него глыбой. Чует, как собственная кожа разит крепким запахом поражения. Он еще крепок, способен бегать каждое утро по полчаса и насладиться партией в гольф с друзьями (может пробить на 185 ярдов), сохранился куда лучше большинства антикварных ровесников, наделенных пивными брешками, морщинистыми лицами и зачесами на плечах. С момента ухода на пенсию он завел множество хобби, а еще они с женой обнаружили, что, пока проводят по будням не менее пяти часов порознь, брак остается вполне сносным. А если чуть меньше? Лучше не спрашивайте.

Он не очень-то рвался подписаться на безумное предприятие, но это застарелое чувство долга, эх! Нужны люди вроде него, сказали ему, люди, ни разу не питавшие даже тени желания поделиться фотками на «Уорлдшер», не доверяющие даже электронной почте, люди, которые до сих пор – ну и работку им, должно быть, пришлось проделать, чтобы найти кого-то вроде него, если вдуматься – пользуются чеками. *Чеками!* Люди, предпочитающие совершать банковские операции лично, когда по ту сторону стойки находится знакомый человек, знающий его по имени, знакомый с его детьми, с машиной, которую он водит. Вот *такие* личные данные, по его мнению, должны знать о нем конкретные доверенные лица. Ему *требуется* как раз такой обмен данными. Ради этого стоит жить (все четыре с половиной тысячи ударов сердца каждый час существования).

Марджори, его жена на протяжении сорока трех не таких уж плохих лет, погостит у своей сестры, пока все это не останется позади. Слава Иисусу на небесах! Надо воздать ей должное, она с лету признала, что это его долг, и понимает, что нечего и думать получить от него весточку – не в напряг ни для той, ни для другой стороны после сорока трех раундов рождественских гимнов.

На большой приз он не очень-то рассчитывает, признавая, что наблюдательный потенциал современного государства для него тайна за семью печатями, и потому подразумевает, что у него маловато шансов принять эффективные контрмеры. Он слишком закоренился в своих старомодных обычаях. Он из тех, кто полагается на жену, которая поведает ему, что затевают дети, как поживают друзья, напомним об их днях рождения. Только сходяв на собеседование в «Слияние», он начал замечать, что теперь она выуживает информацию из телефона, а не из компьютера. Узнал, как пользоваться «Википедией» (которая, надо полагать, практически прикончила Британскую энциклопедию), но она кажется ему слишком легкодоступной, слишком скользкой, и он не доверяет ей с тех пор, как узнал, что любой пацан может поменять ее статьи, как только научится этому. С «Британникой» такой номер не пройдет.

И факт, что «Слияние» еще не взяло его под белы ручки, уже откровенный сюрприз сам по себе. Он-то рассчитывал продержаться не более пары часов. Сигнал «Обнулиться!» пропищал на его телефоне юрского периода, как называют его внуки, в полдень, когда Рэй находился на стоянке магазина хозяйственных товаров. Собирался поспеть домой, пока не началось, но из-за аварии на шоссе машины тащились просто-таки с черепашьей скоростью. Покинув автомобиль, он не забыл извлечь батарею из своего отстойного аппарата – идея принадлежала жене, видевшей такое в каком-то документальном кино, – и сел на автобус в центре города. Наддел маскировку. Впрочем, ее и маскировкой-то не назовешь. Шерстяная шапочка, натянутая до глаз, и очки для чтения, туманящие взор, которые приходится носить на кончике носа, чтобы

смотреть поверх оправы. Бриться он перестал с той поры, как узнал, что попал в число финалистов. Но уже кое-что!

Он торчит на автостанции уже больше суток с билетом до Флориды (документы не требуются), подремывая в уголке, как нищеброд. Когда у него время от времени спрашивают, все ли с ним в порядке, он, ни слова не говоря, просто показывает билет, и его оставляют в покое. «Хилтон» для бомжа.

Во Флориде живут старые флотские сослуживцы. Снова соберут экипаж и реализуют совершенно секретный проект для этого «Слияния». Сказали, что, если Рэй только ухитрится дотащить свою задницу до Орlando, не попавшись, дальше они берут дело на себя. «Даже дьявол собственной персоной тебя не сыщет, я те гарантирую, *hombre*²¹», – со смехом сказал ему Скутер Макиллени.

«Что ж, тогда пока все путем», – думает Рэй когда автобус выворачивает на федеральную трассу, вразвалочку катя на юг, навстречу солнцу и – быть может, только быть может – трем лимонам баксов. Рэй лелеет картину, как он в шортах и рубашке из тончайшего хлопка нежится у бассейна с пивком, наблюдая за проплывающими красотками, и ужинает стейками с парнями...

²¹ Мужик (исп.).

28 дней 1 час

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

Команда, прикрепленная к Рэю Джонсону, работает быстро. Диаграммы связей с его известными коллегами, прошлыми и нынешними, уже красовались по всему дисплею, группируясь в различных уголках Штатов, но с явным преобладанием во Флориде. В частности, в Орландо. Подсвечен кластер, где проживают три его предположительно закадычных друга. Модель хороша; один из ребяташек из АНБ выдал славную идею обозначить флотских приятелей, присвоив каждому весовой коэффициент согласно годам совместной службы и упоминаниям в личных делах о совместном участии в боевых действиях, чтобы выявить, к кому из них Рэй обратится с наибольшей вероятностью. Его кандидат номер один: петти-офицер²² первого класса в отставке Скутер Макиллени.

Да еще отсылка к случаям, когда телефон его жены гуглил «Флорида дома престарелых» в то самое время, когда журнал ее фитнес-клуба показывал, что она на занятиях по акваэробике. Ага. Теперь команда Нуля-1 может с вероятностью 73 процента утверждать, что Рэй сядет на поезд или автобус – вероятнее всего, на автобус – в Солнечный штат в один из дней первой недели операции, и потому посоветовала перебросить команду захвата из Чикаго уже сейчас, чтобы она была готова по первому сигналу выдвинуться на железнодорожные и автобусные станции в Милуоки, как только алгоритмы распознавания лиц и походки выдадут соответствие. Анализатор походки уже сканирует каждый переулок, дорогу, магазин и тротуар. Дорожные камеры взяты в оборот. А сверх того какой-то умница догадался подпрячь камеры предотвращения столкновений, устанавливаемые на задках автомобилей, сошедших с конвейера после 2016 года. Алгоритм всасывает селевой поток видеоданных, как пожарный насос, заглатывая толпу и отсеивая шатуна, топтуна, шаркуна, сутулого (наверное, офисный работник), семенящую (явно насадка).

Будучи добрым начальником, Сай произносит слова ободрения, достаточные, чтобы лица сотрудников просияли. Затем – *дзынь*.

Распознавание походки выдало подозреваемого. Центральный автовокзал Милуоки. Снято девяносто минут назад.

Вернувшись в свой кабинет, Сай наблюдает, как члены его команды набирают обороты, сгребая в кучу изображения из различных источников, которые едва ли не сразу же помещают Рэя Джонсона на рейс в 9:35 до Орландо через Нэшвилл. Остановка для отдыха и дозаправки запланирована перед самым Нэшвиллом через семь часов. Команды пошевеливаются.

* * *

У команды Нуля-1, для которой Рэй Джонсон на первом месте вплоть до его захвата, спортивный азарт нарастает с каждым часом. Когда настает время, Сай подходит к стене кабинета, чтобы сверху вниз посмотреть, как Рэй, красующийся на HD-экране во всем великолепии красок, сходит с автобуса, чтобы поразмять старые косточки. Остальные команды тоже стягиваются со всех сторон, чтобы молча поприветствовать надвигающийся захват.

²² Петти-офицеры – группа званий в ВМС и Береговой охране ВС США, в целом соответствующая отечественной группе званий флотских старшин.

Камеры безопасности кафе рядом с автобусной станцией подключены через вай-фай для удобства менеджеров, желающих приглядывать за персоналом, даже находясь вдали от заведения. Кроме того, записями делятся с рядом заинтересованных сторон, что очень удобно для страховщиков, производителей продуктов питания и аналитиков поведения потребителей, жаждущих отточить свои технологии продаж, не говоря уж о силовых структурах Соединенных Штатов. Прими благодарность от лица нации, кафе «Кукурузка».

«Слияние» наблюдает, как Рэй усаживается в кабинке, ерзает, устраиваясь поудобнее, и решает побаловать себя лучшей нэшвилльской острой курочкой.

– Взять его сейчас? – спрашивает Эрика у Сая.

– Подождем. Мне нравится этот мужик. Подождем.

Официантка кидает заказ Рэя по «блютус» на кухню, а значит, одновременно и бригаде ангелов, следящих за Рэем из Вашингтона. Сегодня вечером Рэй не беспокоится о холестерине. Острая курочка, картошка фри, яблочный пирог со взбитыми сливками и мороженое с шоколадным соусом и крошкой грецкого ореха – это вам совсем не диета из салата и печеной рыбы, которой ему приходится довольствоваться дома, согласно дебетовым картам его жены. Этот заказ срывает аплодисменты команды «Слияния». Мужик всем по душе.

– Сейчас? – спрашивает Эрика.

Сай отрицательно трясет головой:

– Дайте человеку поесть.

Эрика улыбается. Подобные моменты напоминают ей, за что она любит Сая. И старается зафиксировать эту уверенность до будущего раза, когда почувствует в ней потребность.

27 дней 17 часов

Кафе «Кукурузка», Нэшвилл, штат Теннесси

Рэй ловит кайф от десерта вовсю. Со вкусом наслаждается последней ложкой и выскребает креманку²³ дочиста. Минуту спустя в кафе входит Бенсон, начальник команды Теннесси, чтобы уведомить старика, что его карта бита. Просто усаживается в кабинке напротив него и козыряет своим значком.

– Добрый вечер, мистер Джонсон. Как вам понравилась курочка?

Рэй, запечатленный натальной камерой Бенсона для публики, оставшейся дома, вовсе не выглядит шокированным. Более того, кивает, словно отчасти ожидал этого.

– Как вы меня нашли? Я платил наличными.

– Вы отлично справились! – смеется Бенсон.

– Трудно было меня найти?

– Не то чтобы.

– Однако ж меня взяли не первого, а?

– Ну, второго.

– Твою мать!.. Ладно. Что вы можете сделать?

– Да почти ничего, сэр.

– Значит, все кончено?

– В общем, да.

Официантка предлагает Рэю кофе, но он качает головой, достает салфетку из диспенсера – винтажного, с логотипом «Кока-колы» – и тщательно вытирает пальцы.

– И что теперь?

– Мы доставим вас домой. – Тут Бенсон подносит палец к наушнику. Ему задали вопрос. – Один вопрос, сэр, из штаб-квартиры. Мы хотели бы проверить наши прогнозы вашего поведения в будущем. Вы планировали на время мероприятия остаться в Орландо?

– Вроде того, ага. У меня там старые друзья.

– Мы знаем.

– Еще б вам не знать!

Немного волокиты: планшет Бенсона просит Рэя подтвердить, что он был пойман и будет соблюдать СНКИ. Рэй ставит свою закорючку очень аккуратно, неловко управляясь со скользким цифровым пером руками, привычными к настоящим чернилам и настоящей бумаге. Потом откашливается и смотрит на Бенсона слезящимся взором, преисполненным мольбы.

– У меня тоже вопрос к тебе, сынок. Мы... мы должны сообщить моей жене, что это маленькое мероприятие уже завершилось?

²³ Креманка – здесь: бокалообразная емкость с расширенным диаметром для порционной подачи десертов.

27 дней 13 часов

Ютика, штат Нью-Йорк

– Пассажиры до Ютики, пассажиры до Ютики! – Микрофон водителя хрипит и сипит, и в ответ раздаются разнообразные отклики просыпающихся пассажиров: стоны облегчения тех, кто прибыл к месту назначения, недовольные зевки тех, кому еще ехать и ехать в духоте при тусклом люминесцентном свете, да еще и на жестких сиденьях.

Женщина на сиденье 14А вращает плечами. Прошло четыре часа с момента ее отъезда из Бостона. Она не спала – то впадала в полубессознательное состояние, подсвеченное голубым мерцанием чужих экранов, то снова приходила в себя, прислонив голову к холодному стеклу; кинжальные просверки встречных фар били в глаза. Она читала, как воздействует на организм избыток адреналина. Плохо воздействует. Он подстегивает сердце и мозг для борьбы или бегства; миллион лет назад он загнал бы охотника-собирателя на дерево, спасая его из кишашей крокодилами реки, или пасти льва, или от более крупного человека с более крупной палкой, но в современном человеке запускается снова и снова на долгие часы, а то и дни от банального вжиканья и звяканья телефона. Постоянная накачка кортизолом и дофамином мало-помалу изнашивает суставы, измочаливает контакты в напрочь перекоммутированном мозгу, пока все не пойдет вразнос и в конце концов слетит с катушек. Вот вам и современная жизнь.

Баллы утраиваются, если на следующий вопрос вы ответите «да»: ведет ли за вами активную охоту совместная инициатива титана соцсетей и самого могущественного и прекрасно обеспеченного ресурсами государства на планете?

«Но оно ведь того стоит, правда?» – задается она вопросом. Снова и снова. Да, стоит. Это единственное, что ей под силу. Несколько лет жизни долой? Ну и что? Ее сознание затуманится и спутается чуть раньше, чем у ровесников? И ладно. Сердце устанет и износится чуть прежде своего времени? Да сколько угодно. Цена зашкаливает, это факт, но что ей проку от капельки лишнего времени, если она этого не сделает? Кому нужно продлевать такую жизнь, какую она ведет? Ее жизнь нужно разнести в пух и прах. Вот она и здесь, и все летит в преисподнюю.

Она смотрит на часы. Прошло одиннадцать часов третьего дня Обнуления, так что самое время для следующего этапа по плану.

Глядя, как первый из попутчиков сходит с автобуса, она открывает рюкзак, стоящий у ног, и достает мобильник. Вставляет батарею на место, включает аппарат, и экранчик загорается. За пару секунд аппарат находит устойчивый сигнал. Она снова в Сети.

27 дней 11 часов

Вольта-Плейс-Северо-Запад, Джорджтаун, Вашингтон, округ Колумбия

В 1:00 ночи часы Сая тихонько подают сигнал, так что он напрочь просыпает новости, что команда захвата мобилизована после принятия сигнала от телефона Нуля-10 где-то на севере штата Нью-Йорк. В 5:00 утра он просыпается, видит это, бурчит. «Кейтлин? Кейтлин? – соображает. – А, *эта* Кейтлин!»

Выкатывается из кровати, отбросив белье плотностью тысяча нитей на дюйм, не содержащее никакой химии, идущее в комплекте с квартирой класса люкс (бассейн, сад, спортзал, домашний кинотеатр), снятой для него компанией «Уорлдшер» в округе Колумбия. Эрика продолжает спать – элегантно, тихонько. Он потягивается, наклоняется к носкам, готовя тело к предстоящему дню. Эрика говорит, что на самом деле ему нужно, чтобы кто-нибудь каждое утро поворачивал заводной ключ, торчащий у него из спины, взводя пружину туго-натуго, чтобы исполнять нелегкую ежедневную задачу быть Саем Бакстером.

Оборачивается взглянуть на нее. Ему нравится разглядывать ее, когда она спит. Ее хоть сейчас в «Инстаграм»²⁴, даже во время отдыха – волосы ниспадают плавными волнами, руки сложены ладошками под щекой, будто в молитве. Порой даже чуточку чересчур напоминает глянцевого журнал о загородной жизни. Он редко сомневается, что любит ее. Сомневается ли сейчас? Нет, ничуть. Они невероятно подходят друг другу, просто-таки родственные души. Их секс – конечно, пореже, чем раньше – по-прежнему хорош. Смех дается им легко. Но его фобия перед обязательствами неотступна, она стоит между ними стеной. Души не обязательно должны заключать союз и в юридическом смысле, доказывает он. Почему души не могут просто проводить вместе вечера по понедельникам, средам и субботам? Кроме того, любовь у него далеко не на первом месте в списке приоритетов; 90 процентов успеха он достиг своим трудом. Так что, не считая пунктика с женитьбой, у них все хорошо, а взамен этого он хотя бы может обеспечить ей лучшее постельное белье на свете.

К моменту, когда он выходит из душа – распаренный, благоухающий и заряженный – и облачается в отглаженную, тщательно выверенную, деликатную, неприязнительную роскошь, команда захвата уже видит автобус, в котором едет Ноль-10. Члены команды планируют перехватить его на следующей остановке по графику, то есть уже через десять минут. Замечательно. Идеально. Великолепно. Сай рад, что она дотянула до третьего дня. И все же, пожалуй, хорошо бы убрать ее с дороги; библиотекарша, выпущенная из библиотеки надолго, не самая лучшая вещь на свете.

Сай вызывает автомобиль и расслабляется на прохладном, шикарно обитом заднем сиденье. Включает функцию массажа, чтобы размять узлы, до которых не может добраться ни душ, ни растяжка, и начинает мысленно планировать следующий блистательный доклад о ходе работ Берту Уокеру.

Но когда входит в Центр «Слияние», ему сообщают о проблеме: Нуля-10 все-таки не захватили.

Библиотекарши в автобусе не оказалось. Команда захвата, дожидавшаяся на автобусной остановке, обнаружила ее телефон, воткнутый между сиденьями, явно оставленный там совершенно намеренно, чтобы сбить их со следа. Фактически Ноль-10 могла сойти в Ютике или любом предыдущем пункте следования. Дальнейший анализ записей систем скрытого видео-

²⁴ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

наблюдения каждой высадки на маршруте результатов не дал. Водитель толком не помнил ни эту пассажирку, ни ее высадку. Время было позднее, автобус набит битком, а по головам он пассажиров не считает. «Это ж не школьный автобус, приятель».

– Таковую уловку мог бы провернуть и двенадцатилетний ребенок, – говорит Сай удрученной группе, собравшейся у него в кабинете на втором этаже. Они стоят. Он сидит, пристально разглядывая лица команды Нуля-10. Выглядят, как и должны люди, ни свет ни заря узнававшие скверные новости капля по капле и теперь страшась за свое будущее. Они его разочаровали. Они знают это. Они *чувствуют* это. И, если честно, он хочет, чтобы они чувствовали это. Пусть попотеют. Обычно каждый стремится попасться Саю на глаза, заслужить кивок, лишнее мгновение контакта, но не сегодня. Никто на него даже глаз не поднимает.

– Ладно, – выдыхает он. – Что еще?

– Мы кое-что упустили, – подает голос Зак Басс, начальник команды Нуля-10. – Вчера. Еще в Бостоне. Вытянув архивные данные трекинга телефона Кейтлин Дэй за последние шесть недель, а затем сопоставив их с видеозаписями систем скрытого видеонаблюдения магазинов и кассовыми чеками, теперь мы считаем, что она... ну, что она купила не меньше восьми разных телефонов в трех разных магазинах в центре Бостона. Они даже зарегистрированы онлайн с малостью видоизмененными версиями ее собственного имени. – Он покашливает. – Семь телефонов действуют и движутся в разные стороны. Один отключен. Батарея извлечена.

Сай уже стоит. Преимущества утреннего душа, тщательного одевания, одеколona и массажа в машине по пути сюда начинают оплывать, и нервы у него вдруг взбрыкивают. Нельзя сказать, чтобы находчивость этой библиотечарши уже перестала его радовать – она и вправду очень умна, – но он никогда не был в восторге от разгильдяйства со своей стороны. Сай ощущает начинающийся вздыматься гнев и чувствует, насколько ценно будет выказать его уже на этом раннем этапе.

– Ладно. Так. В ту же секунду, когда она скрылась в подземке, надо было догадаться, что она умнее, чем вы полагали ранее. Вся информацию о дополнительных телефонах, которой вы теперь располагаете, следовало собрать еще вчера днем. Вчера. *Днем*.

Он театрально поворачивается к ним спиной, давая им прочувствовать свое неудовольствие, давая им покорчиться, как уж на сковородке, пока сам сосредотачивает внимание на природном чуде прекрасного леса секвой, возносящегося к небесам вдоль дальней стены его кабинета с безупречной цветопередачей и разрешением 1200 пикселей на дюйм. И наконец снова оборачивается к ним лицом.

– Кто эта женщина? Это простой вопрос. Здесь, в «Слиянии», мы должны быть способны задать себе этот вопрос – и быстрее, чем когда-либо прежде в истории человечества, *ответить на него*. Вот чем мы здесь заняты. И все. Ничего более. Это ваша работа. *Что она за человек?* Ну что, у кого из вас есть хоть что-нибудь напоминающее ответ? Хоть у кого-нибудь... – Он ждет, переводя взгляд с одного испуганного лица на другое. – Ни у кого? Ладно. Расслабьтесь. Просто все расслабьтесь. Для начала попроще: *что у нее на уме?*

– Потроллить нас. – Женский голос.

Он устремляет взгляд на нее. Новенькая.

– Как вас зовут? – спрашивает Сай.

– Соня Дюваль.

– Итак?

Соня хороша собой. Лет двадцать семь. Типичная выпускница частной школы Восточного побережья. Сто десять фунтов амбиций, упакованных в хрупкое тельце с тонкими костями и, полагает Сай, ледяным сердцем.

Она продолжает:

– Она не хотела, чтобы мы нашли эти телефоны с ходу, однако *хочет*, чтобы мы связали их с ней, как только расшевелим извилины. Отсюда и разночтения в имени.

– Ладно. Что еще?

Зак Басс с усиками, напоминающими штрихкод, хотел бы выдать что-нибудь ценное, но он иссяк.

Соня обходит его на повороте:

– Я, э-э, прошлась по всем «Чарли кард», которыми воспользовались в центре города с момента, когда Нуль Десять вышла из такси.

Зака хватает лишь на то, чтобы ослабиться и попытаться ее затюкать:

– С чего бы это ей пользоваться зарегистрированной карточкой?

Сай одаривает этого почти-уже-не-начальника таким взглядом, что тот прикусывает язык, и возвращает внимание к Соне.

– Продолжайте.

– Она и не стала бы. Но мне казалось, что я могла бы разглядеть что-то такое, что алгоритм упустил. И смогла. В смысле, нашла. Карта, которая отметилась на турникете в «Даун-таун-кроссинг» через три минуты после того, как мы ее потеряли, зарегистрирована на имя...

– На имя?

– Имя... Сая Бакстера, а указанный адрес...

– Ну? – не выдерживает Сай.

– `SyBaxterknowswhereyouare25` на gmail.com.

Пятнадцать секунд молчания. Сай пытается переварить эту новость. А затем расплывается в улыбке. Библиотекарша с ним играет. Развлекается. Издевается.

– Скажите на милость...

– Значит, эта женщина явно умная, – снова высказывается Соня. – И пошутить не дура.

В ее интонации проскальзывают нотки восхищения, которые Сай растерял напрочь. Его мозг сбивает, на минутку зависает; такого почти не бывает. Заводному ключу в его спине, как шутит Эрика, явно не помешал бы оборот-другой.

– А телефоны, что она купила, они-то где? – кивает он Соне.

Та смотрит на коллегу, располагающего этой информацией.

– Пять в районе Бостона, – сообщает коллега, опустив взгляд на планшет у себя в руках. – Один выключен, без батареи. Один с прошлой пятницы в Нью-Йорке, один в Великобритании, в центре Лондона. Тот, кто его носит – мы предполагаем, не зная этого, – вчера вечером сходил на мюзикл «Король Лев», а в настоящее время находится в... в Египетской галерее Британского музея, вообще-то. – На секунду замолкает. – Смотрит на статую Тота, бога письменности.

– Просто красота! Выводы?

Соне одной достаёт храбрости, чтобы рискнуть ответить:

– Подозреваю, она украдкой подсовывает эти телефоны другим людям в сумки, чтобы создать облако отвлекающих данных.

– И... где она?

– Полагаю, там же, где единственный телефон без батареи, – отвечает Соня. – Держит его на всякий пожарный.

Сай барабанит пальцами по столу. Его мозг снова находит свой ритм.

– Первый приз Соне! Итак, похоже, у нас в колоде джокер. Это ей плюс. И отборочной комиссии плюс. А я-то гадал, за что ее выбрали... Они явно что-то знали, что-то разглядели. Так или иначе, именно этого мы и хотели. Правильно? Так что давайте удвоим усилия, сосредоточенные на ней. Ее квартиру отсканировали, все запротоколировали?

– Да, – докладывает Соня.

– Я бы хотел ее осмотреть. Подготовьте ВР. Что до этих ее липовых телефонов, разделите команды, чтобы собрать их. Допросите лондонскую наводку на предмет предыдущих связей с

²⁵ Сай Бакстер знает, где ты (англ.).

нашим Нулем, вдруг появится ниточка. Давайте разгоним тучи. Короче, *короче*, просто делайте свою сраную работу. Ах да, Соня...

– Да?

– Хорошая работа.

Соня сияет.

27 дней 5 часов

Шривпорт, штат Луизиана

Внезапное одиночество в его возрасте будто невесомость. Фредди Дэниелс, Нуль-4, сорок шесть лет, бывший красавец – по лицу видно, как жизнь его потрепала, – чувствовал головокружение, словно земля уходит из-под ног, а в голове каша вместо мозгов. Вот тогда и начались ошибки в работе, обходившиеся дорого. Его партнеры по строительной компании уговаривали взять продолжительный отпуск. Так он и сделал. Неделями просто тарашился в телевизор, пока не встанет поперек горла то, другое и третье, да все без толку. Потом приятель-фэбээровец упомянул ему об этой дичи – «Слияние», Обнуление – и трех миллионах баксов, если он заляжет на дно на тридцать дней и обставит силы «глубинного государства». И подумал: «А с хрена ли мы думаем, что это так трудно?»

Идею этого логова подсказало ему кино. Название он подзабыл, но фильм ему понравился. О бунтаре-одиночке, восставшем против системы. С Дензелом, кажется. Или тем другим чуваком, как бишь его, который играл в... А, насрать, без разницы. В общем, как только прочел официальное письмо, подтверждающее, что его выбрали, он сразу понял, что будет делать. Завез лес, краску и штукатурку, воспользовался случаем. И как только дали сигнал «Обнулиться!», он был готов.

День первый был увлекателен. Восторг прямо как от просмотра Суперкубка: слушать, как команда захвата рыщет по дому, перехватывать обрывки разговоров, сидя прямо здесь, в дюймах от них, оставаясь совершенно невидимым за фальшивой стеной на колесиках, которую он закрыл за собой, как каменную дверь гробницы, прикрутив к полу с помощью шуруповерта и где-то пяти сотен шурупов. Перед этим он как раз перекрасил всю комнату, так что новая краска не будет выделяться. Колесики предотвратили появление царапин на полу. Продумано практически все. И с каждым прошедшим часом Фредди набирался уверенности, думая: «Ну, раз они до сих пор не сообразили, то где им дальше-то... Значит, теперь только ждать».

Срок он ни разу не тянул, но слышал достаточно рассказов о том, каково сидеть в каменном мешке. И подготовился. Строгий режим упражнений и занятий в сверхстесненном пространстве. Фотографии семьи и друзей развешаны по стенам. Три новеньких блокнота для эскизов и старый радиоприемник с наушниками, чтобы не шуметь. Пошел уже третий день, а он еще держится. По большей части. Консервы. Фрукты, соки и тридцать банок пива в миниатюрном холодильнике. По-маленькому в старые бутылки от сока, по-большому в портативный туалет, который подогнал по его просьбе собутыльник. По вечерам радио нашептывает ему на ухо, пока он вскрывает баночку, чтобы отпраздновать. Тост за три миллиона баксов.

Сто штук баксов за день; мысль о награде поможет продержаться. Деньги, денежки, деньжата... Каждый вечер под пивко он будет прокручивать в мозгу, что с ними сделает. Вернется к Джейни, попросит дать ему второй шанс. Может, принесет сколько-то нала в клювике в виде портфеля и скажет: «Это твоя половина, детка». Даст обещания. Больше никакой выпивки. Два отпуска в год гарантированно. Если ничего не сработает, даже согласится на искусственное оплодотворение, как она всегда хотела. Подарит ей двух детей, хоть эта идея всегда его ужасала. А еще – свадьбу, какую ей всегда хотелось и в которой в первый раз он ей отказал, вместо того по-быстрому расписавшись с ней в суде и устроив вечеринку на заднем дворе дома ее родителей, с гирляндами на бельевых веревках, барбекю и мороженым. На сей раз у нее будет платье, а он наденет костюм, они устроят все в отеле, с крохотными закусточками, с шампанским, с настоящим фотографом, а не безруким кузеном Джейни. А остальное? После медового месяца охрененный новый домище, тачка получше. Визитные карточки толщиной с

тост и, наверное, секретарша, чтобы вела записи на компьютере, отправляла счета-фактуры и звала его «мистер Дэниелс». Не делать все подряд самому.

* * *

Голоса.

Должно быть, он задремал. Не слышал, как открылась входная дверь, но теперь двое мужчин разговаривают совсем рядом. В такие моменты он задерживает дыхание, убедившись, что крышка туалета плотно закрыта, а мини-холодильник выключен, чтобы не издавал негромкого гула.

– По-моему, пусто, – низкий голос, как у знаменитого актера.

– Ага, это подтверждается, – второй голос повыше, моложе, чуть ли не подростковый. – Но что-то ведь сосет электричество...

Фредди в темноте прикасается к мини-холодильнику. Соглашаться на этот умный электросчетчик было большой ошибкой. Но все едино, он сделал отвод электричества в эту клетку так, что врезку нипочем не найдут. Он был осторожен, но с холодным пивом, видно, придется распрощаться.

– Ладно, – говорит другой.

Длинная пауза. Сердцебиение Фредди учащается.

Голоса.

Низкий:

– Ага, тут у меня что-то есть. Только что пришло из «Слияния». С дрона.

Тонкий:

– Ну-ка, покажи...

Фредди в темноте: «Что?»

Больше ничего от этих двоих Фредди не слышит, только зловещие недомолвки вроде «лады», «значит, вот здесь?» и «похоже на то».

Голоса приближаются прямо к его фальшстене, вплотную к ней, говорят ближе, ближе...

Низкий голос:

– Мистер Дэниелс! Вы здесь? Мистер Дэниелс!

ТЬфу ты, жопа! Голос звучит настолько близко, словно засранец сидит прямо у Фредди на коленях. Но Фредди не отвечает. Не сдастся. Что, если он ничего не скажет?

– Мистер Дэниелс! Если вы здесь, слушайте меня. Вы можете сдать, или мы можем взломать эту стену. Вам выбирать. Мистер Дэниелс! Вы меня слышите?

Не-а, Фредди по-прежнему ни гугу.

– Ладно. Значит, придется сломать эту стену. Вам решать, мистер Дэниелс.

Высокий голос:

– Я звоню насчет этого, Честер. Поставь ограждение. Может, сперва сделаешь термоскан, чтобы проверить, там ли он еще?

– Ой, да там он, там.

Фредди аж корчит от сожалений. Вариант был верное говнище, ни за что не следовало ставить на него. Надо было хоть запасной выход сварганить, лючок в полу на этот самый случай, выползти сейчас оттуда, сделать ноги, а не сидеть сиднем, как дурак, дожидаясь, когда вломится кувалда...

Несколько минут спустя слышатся еще голоса, новые, и один из них предупреждает его:

– Мистер Дэниелс! Пригните голову и закройте глаза, мы приступаем!

26 дней 18 часов

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

День.

Сай отодвигает ноутбук в сторону, чтобы прикоснуться к стеклянной столешнице; как по волшебству, та становится матовой, затем превращается в карту Соединенных Штатов, а там и того больше.

Лос-Анджелес мигает красным, красным, красным...

Он постукивает кончиками пальцев по столу, прокручивает и выбирает. Они только что накрыли Нуля-4 – дрон со специальной камерой с высоты выявил потайную полость Фредди за стеной с помощью георадара (разработанного израильтянами для поиска туннелей хамасовских террористов), – а теперь еще и потенциальное обнаружение Нуля-3 – Марии Чан, бывшей студентки-активистки из Гонконга, которой недавно было предоставлено политическое убежище в Америке. Крутой выбор. Профессиональный вызов, учитывая, сколько лет она скрывалась от ареста. Эта молодая женщина знает, что свой обычный мобильник надо оставить дома, взяв вместо него одноразовый, никогда не используя аппараты повторно, ведь каждый снабжен уникальным международным идентификационным номером мобильного оборудования, который легко отслеживается; а еще переключаясь между разными VPN – виртуальными частными сетями, способными замаскировать местоположение пользователя, – расплачиваясь наличными или неотслеживаемыми предоплаченными кредитными картами, а голосовую связь приберегая на крайний случай.

Сай думает, что еще как-то рановато оступаться столь подкованному человеку. Почему Марию обнаружили так скоро? Он узнаёт, что все ее гаджеты вырубилась в полдень, в момент приказа «Обнулиться!», как и следовало ожидать, но команда Нуля-3 картографировала сеть ее друзей и идентифицировала парня, проводившего с ней последние месяцы в Лос-Анджелесе, чей телефон ушел в офлайн *точно в то же время*. Если эти двое на самом деле объединились, это хорошая новость для любой шпионской сети: двое подозреваемых означают удвоенную вероятность промашки. «Парню следовало оставить телефон включенным, – думает Сай, – но продумать все от и до трудновато».

Затем команды взялись за дружескую сеть этого парня. Когда же трое из них встретились в «Старбаксе» корейского квартала, «Слияние» наострило уши. Их бесконтрольный треп записывал специалист с противоположной стороны улицы с помощью новой технологии прослушки: если направить подобие лазерной указки на какой-либо предмет – скажем, пластиковый стаканчик для кофе (вроде того, в который тогда был налит фраппучино²⁶ с двойными сливками), – тот чудесным образом превращается в настоящий микрофон. Программное обеспечение для перевода дало стенограмму приглушенного, но возбужденного обсуждения подробностей плана по исчезновению Марии, подтвердившую, что она работает с сообщником. «Слияние» отследило автомобиль парня с помощью лос-анджелесских дорожных камер, показавших, как он доехал до Сан-Бернардино и припарковался.

– У нас есть глаза? – произносит Сай в гарнитуру.

Отзывается Лакшми, бывшая фэбээровка:

– Лос-анджелесский беспилотник.

²⁶ Фраппучино – фирменный холодный напиток «Старбакс», кофе со льдом, молоком и различными добавками (мороженое, сироп и пр.).

В надлежащее время Сай получает на столе скверное, зато в режиме реального времени изображение обширных зеленых просторов резервации Сан-Мануэль.

– У нее там есть друзья?

Ответ:

– Зять нашего второго объекта летает на легкомоторном самолете гражданской авиации из Сан-Бернардино. Только что зарегистрировал план полета в Сиэтл.

– Значит, она добирается в аэропорт?

– Таков наш прогноз, сэр.

– Зовите меня просто Сай. – Госслужащие всегда такие чинные.

– Судя по всему да, Сай.

Карта перед ним обозначает трехмильный радиус вокруг положения Марии, показывая у самого его края аэропорт Сан-Бернардино.

Сай:

– Доложите.

Ответ:

– Мы уведомили службу безопасности аэропорта, задержали пилота и конфисковали самолет.

– Отличная работа. – Встав, Сай подходит к своей стеклянной стене, смотрит сверху вниз на команды и большой экран, раскрывающий с экстраординарной дотошностью факты тайной жизни Марии, настоящей и прошлой, интимное и живое досье, собрать которое не сумела бы даже она сама, и все это препарируется, изучается и анализируется. Какое же устрашающее оружие получилось, размышляет Сай, а ведь до сих пор его потенциал едва зачерпнули. Сай постигает опасность куда лучше остальных: жизнь нараспашку сродни операции на открытом сердце, думает он, грудина разрезана, ребра развернуты, живое нутро обнажено, чтобы все каталогизировать, анализировать, всем манипулировать... Но каким бы ошеломительным не было ощущение неподобающего посягательства, он знает – *знает*, – что его компенсирует куда большее добро, которое они пытаются здесь сотворить. Будь мир добрее, тогда, пожалуй, их деяния пошли бы во зло. Но добра в мире меньше с каждым годом, свидетельства тому повсюду, так что хирург должен быть готов погрузить свои руки в кровь и внутренности по локоть. А если воздержится, пациент зачахнет и умрет.

В наушнике раздается: «Пошел видеоряд «Медузы», и правая сторона гигантского экрана замещается сделанным с большой высоты, но кристально четким изображением домов, спортплощадок, ручья, потом экран мигает, пока камера выполняет наезд и фокусируется, снова мигает, наезжает и фокусируется, и Сай с высоты двадцати тысяч футов смотрит на изображение мужчины и женщины, бегущих по сухому речному руслу. Супердрон, за разработку которого пул инвесторов Сая выложил громадные средства, снабжен массой камер и исключительной оптикой, позволяющей ему выдать безупречный крупный план Марии Чан и ее спутника, одновременно продолжая озирать пятнадцать квадратных миль окрест.

– Звук, – требует Сай.

И тотчас же невинная голубая фляга в потных ладонях Марии становится – благодаря лазеру в вышине – акустическим шпионом.

Четко слышится тяжелое дыхание Марии Чан, чуть ли не ее сердцебиение. Невероятно. Даже краткий обмен репликами.

Мужской голос: «Держишься?»

Женский: «Ага».

Сай с улыбкой выходит из кабинета, подходит к перилам, смотрит на бурлящую внизу деятельность по улучшению общества.

– Сколько до перехвата?

– Двадцать минут. Ее будут ждать у ворот аэропорта.

«Вот так запросто», – думает он. Надзор в лучшем виде. Причем в американском стиле, а не ковровая китайская модель «хватай-всех-езде-всегда», в которой стоит тебе просто попытаться загрузить «Вотсапп», ездить за кордон слишком часто, отрастить бороду, выйти через черный ход или слишком часто наведываться в храм, – алгоритм позаботится, чтобы тебя арестовали и отправили составить компанию миллиону других злоумышленников в «лагере перевоспитания» в Синьцзяне, помогли тебе «не отрываться от коллектива». Нет-нет, в Америке передовые технологии вроде этой будут использоваться *только* в случае необходимости, всегда с уважением к праву гражданина на неприкосновенность частной жизни, пока откровенно подрывная деятельность упомянутого гражданина не лишит его этого права, как в том случае, который будет преследовать Сая неотступно, вплоть до самого конца – случае, во многих отношениях и породившем все это. «Люблю тебя, Майкл, – думает он. – Люблю тебя, брат...»

Смотрит на часы, ведущие обратный отсчет. Три дня прошло, три Нуля готовы, семь осталось. А потом? Дивный новый мир, детка. Дивный новый мир.

26 дней 16 часов

Муз-Ривер-Плейнс, штат Нью-Йорк

На закате четвертого дня ее пребывания на воле – в этот момент она уже вынуждена признаться себе, что отчасти ожидала, что вот-вот оступится – Нуль-10 абсолютно уверена только в одном: что, несмотря на соблюдение всех инструкций и чертовски тщательную установку стойки А в отверстие В, тускло-зеленая ткань палатки все равно провисает. Садится на фольгированное клетчатое одеяло для пикников и смотрит на унылое сооружение, пока вдруг не осознаёт, что добрую минуту не думала вообще ни о чем.

В лесу настолько тихо, понимает она, что непременно расслышала бы жужжание дрона в высоте или рычание двигателя машины на опушке, даже шаги пешего путешественника, прежде чем ее заметят вдали от торных троп. Она обосновалась тут дикарем. В двух милях от места, где оставила горный мотоцикл, который подобрала в Ютике. Питала искушение катить и дальше на аккуратной машинке: будто летишь над поляной на сердитом шершне. Но теперь она в миллионе миль от забегаловки «Киз» в Олд-Фордж, где съела свой последний настоящий завтрак. Теперь Кейтлин Дэй еще долго не видать блинчиков, как своих ушей.

Кофр с замком, который она оставила здесь под грудой валежника месяц назад, никто не тронул, так что у нее имеется аварийная палатка и пайки (сублимированные макароны и витамины), а также таблетки для обеззараживания воды из ручья в полумиле ниже по склону от лагеря. А еще экземпляр «Анны Карениной». Только насекомые достают. Она извлекает блокнот из кармана куртки, служащий скорее для хранения вырезок, чем для записей: в мозгах у нее полный раздрай. Куда-то в конец блокнота она сунула листовку, объясняющую, как легко установить палатку.

Снова перечитывает, закатив глаза, когда замечает, что цвета фланцев стоек типа 1 и типа 2 различаются. Закрывает блокнот, положив на одеяло рядом с собой, и начинает вставать, когда слышит голос – громче нормального – у себя в голове: «А каковы правила?» – вопрошает голос. (Голос мужской. Внятный. Без неприязни.) «Ну же, каковы правила?» Подняв блокнот, она отвечает вслух:

– Всегда иметь при себе блокнот. Всегда иметь при себе наличные. Огонь по ночам. Днем саморазогревающаяся еда. Нигде не задерживаться более трех дней.

«Почему?»

– Заметят в первый день, насторожатся на второй, сообщат на третий.

Может ли голос в голове кивнуть? Да, если он принадлежит Уоррену. «Сосредоточься, детка. Или и полпути не пройдешь. Будь бдительна».

– Ладно.

«Вот и чудненько!»

Блокнот отправляется в карман на бедре тактических брюк, и она возвращается к титанической борьбе женщины со стойкой палатки.

В конце концов стойка поддается, но земля твердая, а ее организм, оказывается, химически разогретые макароны с сыром принимать как-то не хочет.

* * *

Она просыпается в сером предраассветном сумраке, чувствуя, что беспокойная ночь лишь усугубила изнеможение.

– Я размякла, – говорит она вслух. Ощущение такое, словно кто-то заменил ее тело телом восьмидесятилетней старухи. Да вдобавок запойной. Оставляет попытки снова уснуть. Садится в спальном мешке. Волосы всклокочены.

Теперь, когда посветлело, она штудирует пару журналов о выживании в дикой природе, которые прихватила на автобусной станции, делает пометки, допивает воду. Думает о книжных полках, оставшихся в Бостоне. Полное собрание сочинений Хемингуэя. Решает, что Хемингуэй ей не по душе; в его интерпретации вся эта лесная дичь типа «На Биг-Ривер» представляется романтической. Вся эта «тяга к перемене мест», вечная американская история. Хер с ней. И спасибо тебе, Господи, за промышленную революцию. Да здравствует двигатель внутреннего сгорания. В эту минуту она боготворит разум Майкла Фарадея²⁷ и возвышение центрального отопления, стиральных машин и кофеварок. Честь ей и хвала!

Но она должна призвать себя к дисциплине.

«Знаю, Уоррен, знаю. Слышу твой низкий голос, слышу твой ласковый укор и совет соблюдать дисциплину, притормозить до скорости природы, достичь единства с нею, окаянной; ведь в глубочайшей глубине естества все мы немногим больше, чем продвинутые звери. Как там звучит та забавная латинская фразочка, что ты мне говорил? Ах да, вспомнила: *Homo homini lupus est*. Человек человеку волк. И правда ведь, милый, мы *настоящие* волки друг для друга, и для себя мы волки, потому-то ты сейчас и не со мной. Тебя осаждают хищные, жестокие твари, относящиеся к тебе даже хуже, чем к животному. Будь жив, милый, будь жив!»

И этими мыслями она возвращается к настоящему: как провести сегодняшний день? И завтрашний? И послезавтрашний? Чем заняться? Чем занять свой рассудок, свои одичавшие думы?

Ответ, единственно разумный: ничем. Вообще ничем, если удастся. Есть, пить, спать, мыться, мочиться, может, вырыть небольшое отхожее место. Сегодня, как предписывает ее план, каковой она и намерена исполнить, она должна изо всех сил бить баклуши.

²⁷ Майкл Фарадей (1791–1861) – великий британский физик, первооткрыватель электромагнитного поля, создатель электрического двигателя.

24 дня 17 часов

Центр «Слияние», Вашингтон, округ Колумбия

В 5:00 вечера его снова вызвали в зал ВР. Наручные датчики с хрустом закреплены на запястьях, гарнитура надета, будто маска для подводного плавания. Система отслеживает глазные яблоки Сая, спиральные проблески огоньком синхронизируют их с программным обеспечением – и бац, будтоходишь в живописное полотно, внезапно оказываешься в забитой книгами квартире.

Он озирается. Так вот как живет бостонская библиотечарша... Очередной мягкий диван с наброшенным на него клетчатым пледом. Сай приближается к окну. Озирает пейзаж: за окном и пожарной лестницей начинается дождь, серой пеленой завесив восток небосвода.

– Уютненько, – раздается голос у него за спиной.

Эрика подключилась к сеансу. Откликаясь на ее присутствие, ВР-программа отрисовывает приблизительные контуры тела рядом с Саем в виде человекообразного облака голубых точек. Значит, при желании они могут указывать друг другу на предметы в квартире в случае необходимости и при этом и не сталкиваться лбами в «Слиянии», избежав самого верного способа ощутить себя полным лохом, играя с личным голографическим симулятором за восемь миллионов долларов.

Сай прямо готов ощутить зябкую сырость бостонского воздуха и вынужден напоминать себе, что находится в цифровой репродукции. Проходит в зону кухоньки. В сушилке предметы посуды, не подходящие друг к другу и наверняка купленные в магазине низких цен. Миска для хлопьев, кофейная чашка.

– Как думаешь, она моет посуду сразу после еды, – спрашивает Эрика, – или навела порядок, получив сигнал к началу? Это означало бы, что она крута – ни намек на панику или спешку.

– Когда сигнал пришел, она была в полной готовности, – пренебрежительно отзывается Сай.

«В этом вся Эрика, – думает он, – человек, знающий меня лучше всех на свете и теперь пытающийся подбодрить меня, чтобы я не изошел говном из-за фиаско с телефонами. Да притом как же хорошо она знает лучшие средства от моих недугов, улавливает мое состояние и всегда под рукой, чтобы справиться с ним... Благослови Господь эту добрую женщину».

Сай проходит сквозь стену, как призрак. Его тело уже привыкло к таким фокусам, и инстинктивные панические вскрики подсознания, протестующего против столкновения с твердыми объектами на скорости, способной сломать нос, убыли до недовольного ворчания и вздрагивания миндалевидного тела²⁸. Постель опрятная: лоскутное покрывало, лоскуты с бутонами роз и в клеточку. Пока что по всем приметам – женщина, живущая одна, причем уже давно. Покрывало Кейтлин, вероятно, изготовила сама: неровные стежки сделаны не очень умелой рукой. Модный кустарный стиль, дешевая одежда и все органическое, старается все делать своими руками, скверно и затратно (возможно, и расточительно) – халаты, юбки, бесчисленные вязаные салфеточки, свечи из пчелиного воска, – и, вздрогнув, он вдруг вспоминает усилия собственной матери свести концы с концами, матери, вынужденной прибегать к подобным средствам не ради спасения планеты или собственного здоровья, а чтобы выжить и вырастить сына. В ее рукоделии и домоводстве не было ничего модного, и все же в нищенском

²⁸ Миндалевидные тела мозга человека отвечают в том числе за эмоциональные реакции.

доме, где после щелчка выключателя свет мог загореться, а мог и нет, вызрел такой субъект, как он. Уму непостижимо... Мама, я тебя люблю.

Сай моргает. Старается удержаться, чтобы не удариться в свои коронные мысленные экскурсии в сторону. Через стену проходит обратно в главную комнату, где голубое облако Эрики изучает полки, забитые книгами на нескольких языках: Бодлер в оригинале, Вергилий на латыни, несколько путеводителей на разных языках. «Это местечко, – думает он, – как раз по части Эрики». Она до сих пор выкраивает время – хотя занята ничуть не меньше, чем он – на чтение беллетристики. Ее сторона стола всегда завалена романами с загнутыми страницами, которые она не успевает дочитать, когда уже приходят новые, заказанные онлайн. Сай частенько подшучивает, что в «Амазон» она инвестирует больше, чем в «Уорлдшер», но шутка так себе: ее собственный капитал вывел ее на двадцать восьмое место в «форбсовском» списке богатейших женщин мира, добившихся успеха собственными силами.

В тех местах, где стены чудом избежали книжного столпотворения, они увешаны арт-постерами среднего размера в рамках. Гипертрофированные цветы сочной пастелью, густые леса с мультяшными тиграми, выглядывающими сквозь листву. Та самая картина с трубкой и подписью «Ceci n'est pas une pipe»²⁹. И тому подобная чушь. Сюрреалисты раздражают его почти так же, как рукодельники. Эта сторона характера Сая – дерганая, беспокойная, вздорная и сварливая – может вырваться из-под контроля, если на него слишком давить. В подобные редкие моменты с ним не совладать ни его пиарщикам, ни даже самой Эрике. В него будто что-то вселяется, какой-то мстительный внутренний ребенок, рвущийся исправить некую давнюю несправедливость. Им овладевает порыв орать с какой-нибудь крыши: «Опомнитесь! Опомнитесь!», вкуче с желанием чинить вред, крушить то, что выпестовано с таким усердием, – и найти в себе аварийный рубильник бывает трудновато. Но притом он знает, что надо обязательно находить его, завоевать господство над этими разрушительными приступами, особенно теперь, когда их корпорация начала оказывать на рынки реальное воздействие. Если на Уолл-стрит учуют, что у него съехала крыша, сорвало резьбу или просто его малость вольтануло, «Уорлдшер» в любой день может потерять от десяти до двадцати пунктов еще до закрытия торгов. Его настроения имеют вполне ощутимое экономическое воздействие. Черт, да их *страховать* можно.

И даже более того, он отчетливо осознает, что теперь даже безопасность страны уязвима для его настроений, и ЦРУ это осознает, и АНБ, и военные, и даже Конгресс до некоторой степени. Он живет в свете юпитеров, под бдительным контролем, но по сей день не может сжиться с осознанием собственной важности. Теперь надо держать эти свои настроения под спудом, не только ради поддержания цены собственных акций, но и ради блага державы, *в буквальном смысле*, потому что беда в том – и здесь заключается фатальный изъян в его генеральном плане, – что в какой степени он *и есть* «Уорлдшер», в такой же степени он же теперь *и есть* «Слияние». Без него все пойдет прахом. Ибо несмотря на всю изощренную продуманность сети, мириады ее дотошно выстроенных беспрецедентных возможностей, в системе есть баг, баг известный, – он сам...

– Сай! – В голосе Эрики сквозит настороженность. Она отчетливо сознает, что его куда-то понесло.

– Извини, детка. Я просто... Невероятно важно, чтобы мы все сделали правильно. – Он не просто нуждается в этой женщине, но еще и знает, что такой момент, когда она будет не нужна ему, не наступит никогда. – Я понимаю, что на взводе. Мне просто нужно, чтобы все удалось.

– Все удастся, Сай. Все уже работает.

– Ты до сих пор веришь, что мы справимся, правда?

– Верю, Сай. Да. Безусловно.

²⁹ «Это не трубка» (*фр.*); знаменитая работа сюрреалиста Рене Магритта.

Он ценит это.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще проходил через... через то, что прошли *мы*, – говорит он. Голубая кисть ее руки приближается, и Сай чувствует ее прикосновение в реальном мире, тактильно ощущает настоящую Эрику. – Это наследие Майкла.

– Я знаю, Сай, – голос у нее слегка перехватывает.

– Мне без тебя не справиться, – признается он.

– Я никуда не денусь. Ты сам знаешь. – Когда она тронута, голос у нее становится ниже.

Стены, даже виртуальные стены этого помещения, наваливаются на Сая клаустрофобическим удушьем. Долго сносить эту VR-хрень невозможно. Мутит. Скоро он отсюда выберется, но дело еще не закончено.

Телевизор меньше, чем ноутбук, и даже снабжен настоящей проволочной антенной. Никакого кабеля. Проигрыватель. Джазовые пластинки. Разумеется, Кейтлин слушает джаз. В квартирке грязно.

Физически его даже нет здесь, но Сай все равно реагирует. Его душит кашель, кожа зудит, хочется надеть перчатки и маску.

– Расскажи мне о ней. Расскажи все.

24 дня 16 часов

Муз-Ривер-Плейнс, штат Нью-Йорк

После двух дней бивачной жизни у нее кончилась питьевая вода. Невелика потеря, она была к этому готова.

Она старается размяться, разогреть задеревеневшие кости после третьей ночи сна на слишком твердой почве. Выползает на четвереньках из палатки под рдеющие зарей небеса, встает и шагает по прелой лиственной подстилке в сторону ручья с пустой флягой в руке.

Безмолвие начинает сводить ее с ума. Лесное одиночество – серьезное испытание. Она отчасти сбегает, отчасти съезжает по склону к ручью, присаживается на корточки у воды, моет руки и чувствует, как свирепая хватка ледяной воды немножко бодрит. Горстью зачерпывает чистойшую H₂O, какую видела за всю жизнь, чтобы плеснуть в лицо. Думает о другом путешествии, давным-давно, вместе с Уорреном.

Он тоже не был походником. Ну да, всегда *говорил*, что любит бывать на природе, и в самом деле был не против небольшого пешего похода, ночного купания; но что он больше всего любил во время их вылазок, так это ночлег в хижине, костер, бутылочку шотландского, шкуру на полу. Капельку роскоши, когда у них водились деньги.

«Нечего думать в этом направлении, – обрывает она себя. – Сосредоточься». Поднимает голову и озирается по сторонам. Деревья по-весеннему зеленеют вовсю. Солнца еще не видать. Наполнив флягу, она бросает туда обеззараживающую таблетку, трясет и пускается в обратное путешествие к лагерю. От этой тишины в голове звенит. Или это кровь шумит в ушах? Или собственное сердце с ней говорит? Нелегко тут быть при ее-то состоянии рассудка, но что ж еще остается? Обратный отсчет тюремного срока в днях, часах, минутах... Может, надо было просто рвануть в Лас-Вегас, насладиться жизнью? Нет-нет. *Дисциплина*, женщина. Вернись в лагерь, возьми себя в руки, составь расписание – ей нравятся расписания: когда есть, когда спать, когда заниматься гимнастикой, читать, разжигать походную плитку, готовить, мыть посуду, стирать одежду, спать, если удастся. Мысль о строгом распорядке немного оживляет ее, заполняет некоторые пустоты, снижает психологический уровень угрозы. Чтобы победить, она должна править рассудком и содержать все в порядке.

Добравшись до верха откоса, она по собственным следам в прелой листве идет обратно к лагерю. Ее тропа пересекает старые следы кроссовых мотоциклов. Очевидно, она делит этот лес не только с белками, оленями, птицами и полчищами насекомых, но и с малолетними ездунками, гоняющими по этим непроходимым чащам.

Будь бдительна, напоминает она себе. Будь внимательна. Нельзя позволить, чтобы кто-нибудь ее заметил. Оставив следы шин позади, она вскоре шагает там, где не ступала нога человека, не считая ее собственную. И произносит вслух:

– Опушка – и развилка двух дорог. / Я выбирал с великой неохотой, / Но выбрать сразу две никак не мог...³⁰

Эх, а ведь знала все стихотворение. Но предпочла «ту, где путников обходишь за версту»³¹

³⁰ Начальные строки хрестоматийного стихотворения американского поэта Р. Фроста «Неизбранная дорога»; пер. В. Топорова.

³¹ Фраза из концовки того же стихотворения; пер. В. Топорова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.